
Элли
ЧЭНДЛЕР
Невеста на
ДЕСЕРТ

Элли Чэндлер
Невеста на десерт.

https://litres.ru/74761118

Аннотация

— Аня, этот повар — Тамир Асланов. «Горная пряность», вся сеть. Мне в полночь написала Лена из оргкомитета: ты при гостях пообещала выйти за него замуж. — Скажи, что это шутка. — Лена тоже так решила, пока он не подтвердил. Сказал, что ты его невеста, а ему пора домой, потому что завтра ранний подъём. Потом вёл тебя под локоть к машине, а ты несла коробку с недоеденным тортом и пела. — Что я пела? — Лена не уточнила, но жанр, по её словам, был народный. Фото его видела? Подбородок, плечи, ресницы. Масштаб катастрофы надо оценивать полностью. — Масштаб на мне сейчас важнее: я обсыпана мукой, как пончик сахарной пудрой. Повтори про Асланова, только медленно. Я знаю его по вывеске, биографию не изучала. — Помнишь письмо по зданию? Я прятала его под папкой с налогами, чтобы ты не нервничала. — Помню. Ты говорила, покупатель пока неизвестен. — До вчерашней ночи он и был неизвестен. — Слышно, как Вера сглатывает. — Покупатель «Горная пряность». Асланов хочет наше здание, Ань, а теперь он ещё и твой жених.

В тексте: ❤# проснуться в чужом пиджаке и обнаружить, что ты «невеста» на три месяца ❤# фиктивная помолвка, которая

становится настоящей ❤# властный ресторатор со шрамом и дочерью, о которой он молчал ❤# ХЭ тому, кто заслужил!

Содержание

Глава 1. Чужой пиджак 5
Глава 2. Дегустация 18
Глава 3. Условия 27
Глава 4. Первое правило 36
Глава 5. Чужая мать 45
Глава 6. Сделка до меня 54
Глава 7. Правила игры 63
Глава 8. Незнакомый дом 72
Глава 9. Соль и перец 83
Глава 10. Комната Миры 92
Глава 11. Мира 101
Глава 12. Первый поцелуй 111
Глава 13. Сладкое утро 121
Конец ознакомительного фрагмента. 123

Глава 1. Чужой пиджак

Телефон вибрирует прямо под щекой, и я отлепляю лицо от мешка с мукой. Мука на ресницах, на языке, в вырезе единственного вечернего платья, а поверх платья лежит чужой пиджак: тёмно-серый, тяжёлый, с шёлковой подкладкой, пахнущий кардамоном и морозным воздухом.

На экране двадцать три пропущенных звонка и три сообщения. Вера спрашивает: «Ты согласилась?», потом: «Ты где?». Третье пришло с незнакомого номера: «Невеста, до встречи в семь». На часах 5:40, и слово «невеста» не превращается в шутку, сколько его ни перечитывай. Вера звонит снова.

— Анька, ты жива? — кричит она, и мне приходится отодвинуть трубку от уха. — Я набирала тебя одиннадцать раз.

— Двенадцать, этот считается. Я в пекарне, лежу на мешке с мукой, на мне чужой пиджак, и я надеюсь, что ты сейчас скажешь что-нибудь успокаивающее.

— Пиджак, — повторяет Вера с паузой, достойной бухгалтера, нашедшего в отчёте лишний ноль. — Дорогой?

— Подкладка шёлковая. Он укрыл меня пиджаком и, судя по всему, оставил охрану. Я пока не поняла, забота это или захват территории.

— У богатых это одно и то же. Что ты помнишь?

— Фестиваль, помню, как спорила с поваром про карамель. Помню даже его руки: он нарезал мне грушу ровными дольками, как хирург. Дальше кто-то выключил свет в коридоре.

— С поваром, значит. — Вера втягивает воздух. — Аня, этот повар — Тамир Асланов. «Горная пряность», вся сеть. Мне в полночь написала Лена из оргкомитета: ты при гостях пообещала выйти за него замуж.

— Скажи, что это шутка.

— Лена тоже так решила, пока он не подтвердил. Спокойно, при всех. Сказал, что ты его невеста, а ему пора домой, потому что завтра ранний подъём. Потом вёл тебя под локоть к машине, а ты несла коробку с недоеденным тортом и пела.

— Что я пела?

— Лена не уточнила, но жанр, по её словам, был народ-

ный. Фото его видела? Подбородок, плечи, ресницы. Масштаб катастрофы надо оценивать полностью.

— Масштаб на мне сейчас важнее: я обсыпана мукой, как пончик сахарной пудрой. Повтори про Асланова, только медленно. Я знаю его по вывеске, биографию не изучала.

— Помнишь письмо по зданию? Я прятала его под папкой с налогами, чтобы ты не нервничала.

— Помню. Ты говорила, покупатель пока неизвестен.

— До вчерашней ночи он и был неизвестен. — Слышно, как Вера сглатывает. — Покупатель «Горная пряность». Асланов хочет наше здание, Ань, а теперь он ещё и твой жених.

— Нам же предлагали вежливо. Через бумаги.

— Вежливо и дорого. Цена такая, что бухгалтерия плачет от счастья и от стыда одновременно. Я собиралась рассказать тебе утром, на спокойную голову.

— Утро наступило, Вера. Голова неспокойная.

— Хочешь, я приеду?

— Приезжай к девяти. Вдвоём пугаться удобнее. И захвати что-нибудь сладкое, у меня тут одни дрожжи и сомнения.

Ищу в карманах пиджака салфетку, потому что нос забит мукой, и во внутреннем кармане нащупываю сложенный вчетверо квадратик плотной бумаги. Разворачиваю. Мой почерк: круглые буквы, «в» с хвостиком, как я рисую с первого класса. «До встречи в семь».

— Вер, я перезвоню.

— Ань, только не вздумай...

Нажимаю отбой. Бумага дрожит в моих пальцах, но строчка на ней идёт ровно, как у человека, отлично понимавшего, что он пишет.

Ключ поворачивается в замке чёрного хода, и я прячу записку в кулак. Мама входит с сумкой, откуда торчит горлышко молочной бутылки, и привычно щёлкает выключателем.

— Не вставай, — говорит она заранее приготовленным голосом. — Печь я включу сама.

— Мам, почему ты не позвонила, когда увидела меня на

мешке?

— Ты спала. Тебя было кому укрыть.

— Кому?

— Водитель стоял у чёрного хода всю ночь. — Мама вешает пальто и на меня не смотрит. — Ушёл, когда пришла я. Очень вежливый молодой человек, даже поклонился. Сказал, что ты в безопасности.

— Какой водитель, мам? Чей?

— Спроси у хозяина пиджака.

Она достаёт из шкафа чашки и расставляет на столе. Одну, вторую, третью.

— Ты поставила три чашки.

— Привычка.

— В пекарне мы втроём не пьём никогда. Игнат спит у тебя дома. Он вчера спрашивал, когда я вернусь?

— Спрашивал. Я ответила, что мама занята важным де-

лом.

— Каким?

— Взрослым. — Мама поправляет салфетницу, хотя та и так стоит ровно. — Ты вчера красивая была. Платье тебе к лицу, я же говорила.

— Ты три недели уговаривала меня поехать на этот фестиваль. Платье погладила сама. Меня из пекарни обычно и трактором не вытащить. Ты справилась за три недели. Что ты задумала, мам?

— Хоть раз выбралась из своих кастрюль. — Мама улыбается и тут же гасит улыбку. — Люди познакомились, что в этом плохого?

— Вере ты вчера звонила?

— Звонила. Спросила, налезло ли платье в плечах. Она сказала, что налезло.

— Налезло, мам. Платье налезло, а теперь некий повар говорит, что я его невеста.

— Говорит. — Мама вытирает чашку, сухую с самого на-

чала. — Сначала выслушай его, Аня, потом кричи.

— Откуда ты знаешь, что он придёт?

Мама смотрит на часы над кассой, стрелки показывают пять минут до семи.

— Я за Игнатом. Проснётся, испугается, что никого нет.

— Мам, что я скажу ему про этот пиджак?

— Скажешь, что мама взрослая и сама разбирается. — Она уже в дверях. — Выслушай до конца, Анечка.

Хлопает чёрный ход, и в пекарне остаются дрожжи, мука и три чашки.

Стрелки доходят до семи, и в стекло входной двери стучат: три размеренных удара, ни одним больше. На крыльце стоит высокий мужчина в тёмном пальто, у него короткая стрижка, смуглое сухое лицо и два бумажных стакана в руках. Открываю, потому что бежать некуда, а хлеб скоро ставить.

Он входит, и в пекарне становится тесно. Поварской взгляд скользит по печи, по столам, по лотку со вчерашни-

ми булочками, задерживается на совке для муки, брошенном мной криво, и два пальца выравнивают совок по краю стола.

— Вы всегда наводите порядок у чужих печей? — спрашиваю я.

— Когда нервничаю.

— Вы нервничаете?

— Совок стоял криво. Это личное. — Он поворачивается ко мне и смотрит на пиджак, на мучную полосу у меня на щеке. — Доброе утро, невеста.

Голос ровный, низкий, ни тени шутки. На левой руке, протянувшей мне стакан, белеет шрам: от запястья вверх, под манжету.

— Меня зовут Анна, господин Асланов. Невеста я пока по слухам.

— Я знаю. Вчера ты представилась дважды: один раз по-деловому, второй раз поэтично.

— Что значит поэтично?

— «Анна Верещагина, повелительница опары».

— Звучит солидно. — Стакан я не беру, хотя запах миндаля и кардамона уже добрался до носа. — Мне сообщили, что вы хотите мою пекарню. Вчера, оказывается, захотели ещё и меня.

— Здание, — поправляет он. — Пекарню я в работе не видел, поэтому судить не берусь. Остальное тебе рассказали верно.

— Мы с вами не пили на брудершафт.

— Ты вчера сказала, что брудершафт устарел, а помолвка в наше время делается голосом.

— Какая прелесть. Помолвку я не помню, брудершафт тоже. Вы выбрали меня из-за здания?

— Я выбрал тебя, потому что за весь вечер ты единственная сказала мне правду. Про здание я узнал позже. — Он ставит стаканы на стол и придвигает мой ближе. — Миндальное молоко и кардамон. Ты вчера заказывала именно так, и я удивился.

— Какую правду?

— Что карамель в моём десерте пережарена. Выражалась ты крепче, но суть передаю точно.

— Это похоже на меня, — признаю я. — Моя мама поставила три чашки до вашего стука. Вы раньше бывали в этой пекарне?

— Я ни разу не переступал этот порог до сегодняшнего утра. Но чашки мне нравятся: значит, меня ждали.

— Не обольщайтесь. Мама ставит три чашки, когда ждёт аудитора.

— Тогда мне повезло, что я пришёл раньше аудитора. — Он едва заметно улыбается одним углом рта.

— Хорошо. — Беру стакан, потому что руки должны чем-то заниматься. — Допустим, вчера я сошла с ума и пообещала при гостях выйти за вас замуж. Что я ещё пообещала? Первенца? Почку?

— Почку ты не упоминала. О первенце речи не было: ты сказала, что у тебя уже есть сын и он важнее всех десертов.

— Вы знаете про Игната?

— Ты показала фотографию, где он держит ложку с кремом и смотрит в объектив, как главный инспектор.

— Это его способ сказать, что он вас принимает. Сколько человек слышало мою клятву?

— Человек шестьдесят. Остальные слышали пересказ.

— Видео есть?

— Оргкомитет снимал торт. Лена, например, весь вечер снимала торт.

— Значит, свидетели. Шестьдесят человек, к полуночи совсем забывших себя.

— Шестьдесят человек и водитель. Водитель непьющий и точный, как швейцарские часы. До шести утра он сидел у твоей двери.

— Вы укрыли меня пиджаком и оставили сторожа?

— Да.

— Забота обычно спрашивает разрешения.

— Ты спала на мешке с мукой в такую погоду. Спросить разрешения было не у кого.

— Хочу, чтобы вы ушли и оставили мне четверть часа, пока я не поставила хлеб. Пиджак верну. Записку тоже. Она не ваша.

— Записка твоя. Ты сунула её в карман, когда я накинул пиджак тебе на плечи. Писала ручкой с рекламой пивоварни, на салфетке, и просила не опаздывать.

— Я такого не писала. Я пиво не люблю.

— Ручку ты попросила у официанта. Четверти часа мало. — Он смотрит на печь, на мешки, на остывший противень. — Тебе нужно сорок минут, чтобы вернуться в человеческий вид, и ещё час, чтобы поговорить. Хлеб подождёт, если ты объяснишь ему, что утро особенное.

— Хлеб не слушает объяснений, он слушает печь.

— Тогда включи печь. Я подожду.

— Вы всегда решаете за других, как им распорядиться утром?

— Только когда уверен, что получится лучше.

— Минуту назад я была невестой, теперь Анна. Определитесь.

— Невеста по обстоятельствам, Анна по существу. — Он говорит ровно, как говорят с лошадью в минуту сомнения. — Давай начистоту. Вчера ты сама всё решила. Я только согласился.

Записка в кулаке отсыревает от ладони. Я не помню, как писала эти слова, и ни одной причины не нахожу, зачем ему лгать о такой мелочи.

Глава 2. Дегустация

— Что именно я решила? — Кофе в стакане остыл ровно настолько, чтобы его можно было пить, и мне обидно, что он вкусный.

— Расскажу по порядку. — Тамир садится на табурет у печи только после того, как я опускаюсь на мешок. Расстояние между нами метр, и он его не нарушает. — В одиннадцать вечера мне позвонила мама. Она звонит по пятницам и задаёт один вопрос: когда я перестану ужинать в одиночку. Я вышел на террасу, а ты стояла за соседним столиком и ждала тарелку с десертом. Организаторы никак не выносили заказ.

— Я не десерт ждала, я наблюдала за вашей карамелью.

— Карамель мы обсудили раньше. В одиннадцать ты уже слушала мой разговор. Когда я в третий раз сказал «мама, не начинай», ты отобрала у меня телефон и объявила в трубку, что у меня есть невеста, она печёт лучше любого повара в городе, а ужинать он отныне будет в её компании.

— Так и сказала? Про повара?

— Дословно. Потом вернула телефон и добавила: «Не благодарите».

Закрываю глаза, и где-то в глубине головы шевелится смутное: гирлянды на террасе, вишнёвая настойка в пластиковом стаканчике, чужой голос, повторяющий «мама, не начинай».

— И вы промолчали. Взрослый человек, ресторатор, сеть. Могли сказать, что это пьяная шутка.

— Мама после твоей реплики молчала почти минуту. Такое случается раз в десять лет, и я не стал разрушать момент. — Тамир делает глоток. — Потом выяснилось, что ты хозяйка пекарни, чьё здание я собираюсь купить. Ты назвала это шуткой судьбы с бухгалтерским образованием. Мы решили обсудить всё утром, пока ты трезвая, и ты записала время на салфетке, потому что не доверяла собственной памяти.

— Память, как видите, меня подвела.

— Строчка получилась ровная. Я отвёз тебя сюда, ты потребовала проверить опару и легла «на минуту». Опара, кстати, хорошая. Живая.

— Вы проверяли мою опару?

— Я повар. Мимо чужой опары я не прохожу.

— Господин Асланов, у меня хлеб, а у вас, судя по всему, расписание по минутам.

— По пятнадцати. Приезжай в «Горную пряность» к одиннадцати. Вчера ты обещала доказать, что я неправ насчёт карамели.

— Я обещала?

— Ты сказала: «Завтра в одиннадцать я заставлю вас съесть свои слова». Чьи слова, не уточнила, но в одиннадцать мне удобно.

— А если я не приеду?

— Тогда я вернусь и встану в дверях с недопитым кофе.

Для пекарни это плохая реклама.

— Вы шутите?

— До обеда я никогда не шучу. До обеда я серьёзный.

— Звучит как диагноз.

— Это график. — Тамир сминает пустой стакан и сам находит урну в углу. — Ты приедешь?

— Подумаю.

— Подумай быстрее. Карамель ждать не умеет.

В одиннадцать я сижу за угловым столиком «Горной пряности»: тёмное дерево, медные лампы, запах шафрана и жареного кунжута. Тамир ставит передо мной тарелку: мусс из халвы, солёная карамель, ломтик подвяленной груши.

— Ешь и говори честно. Вчера ты сказала, что я пережариваю карамель и называю это характером.

— Вчера я была в хорошем настроении и выражалась мягче.

Пробую. Сначала сладость, потом плотная ореховая халва, потом горечь, поднимающаяся от языка к нёбу и застающая меня врасплох.

— Горчит. Вы довели сахар до тёмного янтаря и остановились за секунду до дыма. Остальное прикрыли халвой, чтобы никто не заметил.

— А ты, — он подпирает подбородок кулаком, — недожариваешь и называешь это добротой. Твоя карамель вчера была золотистая и приличная, как отличница. Через час никто бы её не вспомнил.

— Отличницы хотя бы не отравляют гостей.

— Отравляют скукой.

Тамир улыбается одним углом рта, и ложка в моей руке вдруг тяжелеет.

— Мою карамель вспоминают годами, господин Асланов. Люди ездят за ней через весь город, потому что она тёплая.

— Тёплая, — повторяет он. — Хорошее слово. Вчера я стоял у твоего стола, ел корочку и пять минут молчал, помнишь?

— Не помню. Я помню, что вы нарезали грушу.

— Я думал, чего в этой корочке нет. Нашёл: страха.

— Страха хватает у меня дома. В корочке он мне ни к чему.

Тамир на секунду замирает, словно я наступила ему на больной палец, и тут же складывает салфетку пополам.

— Справедливо. Я беру слова назад, но только эти. — Он кивает на пустую тарелку. — Ты съела всё.

— Ругать и есть одновременно: профессиональная привычка. Говорите уже, зачем звали.

— Предложение. Мама приезжает в понедельник и хочет увидеть невесту. Объяснить ей, что невесту придумала ты в пятницу в одиннадцать вечера, я не могу. Мне нужна помолвка на три месяца: публичная, аккуратная, с обедами и кольцом.

— А мне зачем?

— Пока ты рядом, письмо по зданию лежит у меня в столе.

Три месяца тишины по зданию. Потом решим.

— Решите вы.

— Решим вместе. — Он замечает оговорку и слова назад не берёт.

— Что я скажу вашей маме, когда она спросит, как мы познакомились?

— Правду. Ты стояла рядом и отобрала у меня телефон.

— Звучит как начало преступления.

— Звучит как начало истории. Мама любит истории с хорошим финалом.

— Какая она, ваша мама?

— Мягкая. Опасно мягкая. Любит чак-чак, порядок в чужих шкафах и когда с ней соглашаются сразу. Последнее у неё получается лучше всего.

— Вы предлагаете мне продать вам спектакль в обмен на отсрочку приговора.

— Я предлагаю договор. Начала его ты.

— Вчера я была пьяной женщиной с чужим телефоном. Сегодня я трезвая хозяйка пекарни, и мой ответ «нет».

— Подумай до вечера.

— Я подумала, пока ела вашу халву. Нет. У меня сын, мама и печь, работающая на честном слове. Мне нужен хлеб к девяти, а спектакль мне не нужен.

— А если «нет» окончательное?

— Тогда вы пошлёте мне письмо по зданию.

— Письмо останется в силе, а тишины по зданию не будет.

Решение за тобой, я только прошу взвесить.

— Вы называете это просьбой?

— Я называю это любезностью. Просьба прозвучала бы громче. — Тамир поднимается и придерживает мне пальто. — Я отвезу тебя к печи. По дороге ещё раз откажешь, мне нравится, как ты это делаешь.

В пекарне людно: суббота, очередь тянется от кассы до двери. Игнат, подпоясанный фартуком до пят, несёт от холодильника к витрине трёхъярусный торт на подносе.

— Игнат, порог! — кричу я.

Поздно. Левый край подноса уходит вниз, верхний ярус съезжает набок, и большая ладонь со шрамом перехватывает поднос до касания с полом.

— Держу, — говорит Тамир. — Порог кривой, ты ни при чём.

Верхний корж уже сполз, крем расплылся по боковине. Игнат смотрит на торт, потом на меня и произносит ровным взрослым голосом:

— Простите, я сейчас всё уберу. Мама, я не специально.

У меня стягивает горло. Девять лет, а извиняется словно ему сорок и он опоздал на работу.

— Нож, миска, холодный крем, — перечисляет Тамир, присев перед Игнатом на корточки. — Знаешь, где взять?

— Крем в третьем холодильнике. Нож в ящике под весами. Миска... — Игнат смотрит на меня.

— Серая, нержавеющая, на верхней полке, — подсказы-

ваю я.

— Тогда у нас пять минут. Спасение торта, пока заказчик не пришёл. Ты командуешь, я исполняю.

— Я? — Игнат моргает. — Вы же взрослый.

— Это твоя кухня. Сегодня я помощник.

— Вы кондитер?

— Повар. Кондитеры смотрят на меня с презрением.

— Мама тоже смотрит.

— Заметил. — Тамир подхватывает ложкой верхний корж. — Показывай, как правильно.

— Корж надо поддеть ложкой, пальцами он трескается. Крем надо класть, мазать нельзя. Бабушка говорит, торт обижается.

— Бабушка права. Торты обидчивые. — Смуглая рука со шрамом разглаживает крем на боковине, и торт обретает прежний вид.

— Вы кто? — спрашивает Игнат, не отрывая взгляда от ножа. — Вы мамин знакомый?

Мама застывает в дверях цеха с полотенцем на плече. Тамир поворачивает голову, ждёт, и я слышу собственный голос:

— Знакомый. Мы обсуждаем работу.

Тамир ничего не говорит. Только задерживает на мне взгляд, превышая вежливую норму ровно на секунду, и возвращается к торту.

— Тамир, чай стынет, — говорит мама из дверей цеха, и

вопроса в её голосе не слышно. — Мы вам чашку оставили.

— Мам, ты оставила чашку для постороннего человека? — спрашиваю я.

— Для гостя, Анечка. Разница существенная.

— Спасибо, в другой раз, — отвечает Тамир и вежливо наклоняет голову. — У меня расписание.

Игнат уходит с бабушкой за пирожком, у порога оглядывается и говорит:

— Спасибо, что не накричали.

— Я кричу только на соль, — отвечает Тамир. — Ей полезно.

Вера выныривает из-за кассы с подносом эклеров и шепчет так, чтобы слышала вся пекарня:

— Это он?

— Кто?

— Подбородок, плечи, ресницы.

— Это повар, Вера. Он спас торт.

— Он спас торт и перешёл на «ты» с твоим сыном. Это называется стратегия.

— Иди пробивай чеки.

— Уже пробиваю. Но подбородок я записала.

Я провожаю Тамира до двери и протягиваю пиджак, скомканный в руках.

— Ваш пиджак. Спасибо за торт.

— Оставь. Верну себе, когда он перестанет пахнуть мукой.

— Тогда вы вернёте его через год.

— Значит, у нас с ним долгие отношения. — Он надевает пальто, выравнивает носком ботинка коврик у порога и вдруг говорит тихо, чтобы не слышала Вера за кассой. — Анна, одно уточнение. Я уже сказал матери, что ты согласна. Она приедет в понедельник знакомиться.

— Сказали. Когда?

— Утром, в машине. Пока ты просила не трогать твою опару.

Дверь закрывается мягко, колокольчик над ней звякает дважды. Я стою с пиджаком в руках и считаю, сколько людей за последние сутки решили за меня, как мне жить. Выходит двое: мама и мужчина, только что закрывший за собой дверь. Третьей, судя по всему, станет его мама, а с ней я пока даже не знакома.

Глава 3. Условия

— Пункт первый. Игнату не лгать. — Лист в клетку дрожит у меня в руке, и я придавливаю его ладонью с недавним ожогом. — Он считает вас маминым знакомым, и строить вокруг него спектакль я не стану.

Тамир стоит у рабочего стола в пальто, с двумя стаканами кофе. Часы над кассой показывают 6:30, воскресенье, печь тихо потрескивает, отчего утро выглядит нарочито мирным.

— Согласен, — отвечает он. — С уточнением: не лгать и не нагружать. Девятилетнему человеку взрослые подробности лишние.

— Какие подробности вы собираетесь утаивать?

— Любые, способные превратиться для него в обязанность. Спросит, кто я, отвечу правду: человек, помогающий его маме. Остальное он спросит, когда решит, что готов слушать.

— Вы уверены, что девятилетние решают такие вещи?

— Твой решает. Вчера он командовал мной двадцать минут и ни разу не повысил голос.

— Пункт второй. Никаких поцелуев.

— Кроме поцелуя в щёку на людях, если ситуация потребует.

— Ситуация потребует по моему сигналу.

— Каким?

— Я заправлю прядь за ухо. Вы заметите.

— Я замечаю всё, Анна. Особенно пряди.

— Пункт третий. В мою жизнь не вмешиваться: пекарня, сын и мама остаются моей территорией.

— В пределах разумного. Если у тебя загорится кухня, я вмешаюсь.

— Если у меня загорится кухня, я потушу её сама. Мы с огнём знакомы давно и друг другу доверяем.

— Тогда я постою рядом с полотенцем. Это терпимо?

— Терпимо. Пункт четвёртый. На людях я говорю вам «ты», наедине остаюсь на «вы».

— Мне-то всё равно, я перешёл на «ты» ещё в пятницу. Хочешь потренироваться прямо сейчас?

— Не хочу.

— А придётся. Скажи: «Тамир, подай соль».

— Тамир, подайте соль.

— Подай.

— Подайте, пожалуйста, соль, господин Асланов.

— Это диверсия, а не тренировка. Продолжим по ходу дела.

— Пункт пятый: ваших денег я не беру. Платья, кольца, рестораны, подарки. Мой хлеб, мои деньги.

— Кольцо покупает жених, это входит в роль. Откажешься, и первой заподозрит неладное моя мама.

— Тогда выберем скромное, и через три месяца вы получите его обратно, вместе с извинениями за испорченные ве-

чера.

— Вечера пока никто не портил. — Он выравнивает мой лист по краю стола и достаёт из кармана ручку. — Теперь мои пункты. По средам и воскресеньям ужинаем вместе, при гостях или нет. Три месяца считаются с понедельника, когда приезжает мама. О договоре знают двое.

— Трое. Вера бухгалтер, в любой легенде она найдёт расхождения, а скрывать от неё что-нибудь дольше суток я не умею.

— Трое. Остальные верят в настоящую помолвку. Твоя мама знает меньше всех, так надёжнее.

— Вы не доверяете моей маме?

— Я доверяю её таланту убеждать. Вчера она поставила три чашки до того, как я постучал.

— Это вы заметили.

— Я повар. Сколько приборов на столе, я считаю сразу.

Мой телефон коротко жужжит на подоконнике, и я читаю сообщение вслух, чтобы лицо молчало.

— Вера пишет, что будет в девять, с эклерами и вопросами.

— Передай, что эклеры я оплачу.

— Передам, что вы их оплатите, и она закажет вдвое больше.

— Пусть закажет втрое. Раз бухгалтер третья в нашем секрете, пусть она будет довольна.

— Вы подкупаете свидетелей?

— Я вкладываюсь в союзников. Это называется иначе.

— Хорошо. Теперь легенда. Ваша мама спросит, как мы познакомились, и я расскажу как есть: фестиваль, терраса, телефон.

— Мама любит подробности. Про телефон расскажи, про вишнёвую настойку умолчи.

— А про карамель?

— Про карамель рассказывай обязательно. Она обожает, когда мужчину кто-нибудь ставит на место.

— Кто-нибудь?

— Любой, кроме неё самой. Это её привилегия.

— Что ещё мне нужно знать, кроме чак-чака и шкафов?

— Она пересчитает твои кольца, проверит, кто у вас моет посуду, и непременно спросит о внуках.

— О ваших?

— Об общих. У меня она давно перестала спрашивать.

— Тогда у меня есть Игнат, и для первого разговора достаточно. Есть ли ещё кто-то, о ком мне следует знать до того, как ваша мама выйдет на перрон?

— Все, о ком тебе нужно знать на ближайшую неделю, приедут в понедельник поездом.

— Звучит уклончиво.

— Звучит как ответ человека с расписанием.

Телефон на столе вздрагивает и выдаёт имя на экране; Тамир читает его, и лицо на секунду становится осторожным.

— Моя мама. Я на минуту.

Он выходит на крыльцо, прикрывая дверь. Колокольчик ещё качается, когда из-за холодильной камеры появляется мама с подносом булочек и выражением человека, слышавшего каждое слово.

— Ты торгуешься с ним, как с поставщиком муки, — говорит она. — Пункты, сигналы, пряди. Мужчина протягивает тебе руку, а ты высчитываешь, сколько с него взять.

— Он протягивает мне письмо с ценой на наше здание, мам. Руку он оставил в кармане.

— Три месяца, Аня. Три месяца улыбаться за столом. Для этого институт заканчивать не нужно.

— Для этого нужно врать матери человека, знакомого мне два дня, и сыну, смотрящему на меня как на справочник. Я не могу.

— Можешь. Ты таскаешь мешки с четырёх утра, сидишь над бумагами до трёх ночи, ходишь в одних ботинках третью зиму. Один раз можно и поулыбаться. Ты хоть раз сделай что-то для семьи.

— Семь лет я делаю что-то для семьи. Каждое утро, мам. Ты стоишь рядом и видишь.

— Вижу. И вижу, как ты делаешь это в одиночку, потому что боишься: встанет рядом кто-нибудь другой и справится лучше.

— Тебе не кажется, что ты слишком хорошо разбираешься в моих страхах для человека, пришедшего всего лишь включить печь?

— Мне кажется, я мать. — Она ставит поднос на стол и вытирает ладони о фартук. — Вчера у тебя на лице было выражение человека, проснувшегося после долгой болезни. Хочешь, чтобы я об этом забыла?

— Вчера у меня на лице была мука. Выражение в ней утонуло.

— Мука сходит, Аня. Выражение остаётся.

— Допустим. Что я скажу Игнату, когда три месяца кончатся?

— Что взрослые иногда пробуют, и не получается. Дети понимают такое лучше нас, если говорить им правду.

— Ты сама только что велела мне улыбаться за столом.

— Улыбаться и врать разные вещи. Первому я тебя учила, второму не учила никогда.

— Скажи честно, мам: он тебе понравился, потому что платит или потому что молчит?

— Мне понравилось, как он выровнял совок. Человек, уважающий чужой инструмент, и с людьми обращается аккуратно.

— Он выровнял совок, потому что нервничал.

— Тем лучше. Нервничать из-за чужого совка способны только честные люди.

— Глеб тоже казался надёжным. Он тоже приходил с цветами и обещал, что мы справимся.

— Глеб ходил в чистой рубашке и не умел месить. Этот месить умеет, я видела его руки. — Мама поправляет булоч-

ки на подносе, хотя те лежат ровно. — К тому же Игнат с ним разговаривал. Мальчик разговаривает не со всеми.

— Игнат разговаривает с каждым, кто даёт ему нож и миску.

— Значит, этот понимает детей. Редкое качество в мужчине его возраста.

— Мам. Ты три недели уговаривала меня поехать на фестиваль. Ты знала, что там будет он?

— Я знала, что там будут люди. Живые, в хороших рубашках, со вкусом к еде. — Она отворачивается к печи. — Хочешь, чтобы я призналась, что мечтаю увидеть дочь счастливой? Признаюсь. Хоть сегодня, хоть при свидетелях.

— Это не ответ.

— В шесть утра другого у меня нет. Иди, он ждёт. Скажи, что ты согласна.

— Мам, посмотри на меня.

— Я смотрю на хлеб. Хлеб не врёт.

— А вот это обидно, — тихо говорю я, но она уже открывает дверцу печи, хотя там ничего не пора вынимать.

Я выхожу на крыльцо. Тамир заканчивает разговор, и голос у него в трубке звучит мягко, почти по-домашнему:

— Да, мама. Нет, мама. В понедельник, поездом. Я встречу тебя на вокзале. Цветов не нужно. — Он прячет телефон и смотрит на меня. — Что-то случилось?

— Пока ничего. Что вы скажете Игнату сегодня?

— Скажем вместе, после обеда. Мы с тобой договарива-

емся о делах, и ближайшие три месяца я буду заходить чаще.

— Это половина правды.

— Для девяти лет этого объёма хватает. Вторую половину он получит, когда она станет ему по росту.

— Вы всё решаете по росту?

— Только вопросы о детях и сковородках. Размер подобран плохо, портится и то, и другое.

— После обеда, при бабушке. Она будет поправлять каждое ваше слово.

— Пусть поправляет. С твоей мамой я готов спорить до вечера.

— Во сколько приходить?

— В два. Игнат закончит уроки, а твоя мама перестанет делать вид, что меня не ждёт.

— Вы изучили наш распорядок.

— Я слышал его вчера. Он у вас громкий и честный.

— Вы её боитесь.

— Я её уважаю, а это дороже. — Он ставит стакан на перила и тут же берёт обратно, заметив влажный круг на дереве. — Ступенька у тебя шатается. Тебя это не беспокоит?

— Беспокоит. Четвёртый год ждёт мастера.

— Пришлю человека.

— Пункт третий.

— Это не вмешательство, это ступенька.

— Это начало, господин Асланов. Сегодня ступенька, завтра печь, послезавтра вы переставите мои банки по алфави-

ту.

— По высоте. Алфавит для банок слишком грубая система. — Он оглядывается на мой лист. — Что у тебя в руке?

— Последнее условие. — Протягиваю ему лист. — Мои пункты, ваши уточнения. Господин Асланов, вы никогда не станете врать мне про мою пекарню.

— Про пекарню?

— Про каждую мелочь в ней. Кто в неё звонит, кто в ней что-то решает, кто в ней появляется. Я хочу знать заранее.

— Разумная просьба. — Он складывает лист вдвое и прячет во внутренний карман пальто, рядом с местом, где вчера лежала моя записка. — Договорились.

Он кивает слишком быстро. Мама кивает в той же манере, обещая не закупать лишний сахар, и через день на складе появляются два мешка.

Глава 4. Первое правило

— Двадцать оттенков синего, Аня, и ты выбрала вариант для похорон главных бухгалтеров. — Вера держит платье двумя пальцами за вешалку и разглядывает его с профессиональным отвращением. — Снимай.

— Оно строгое, — возражаю я из-за шторки. — Строгое платье внушает уважение.

— Оно внушает желание принести соболезнования. Ты идёшь знакомиться со свекровью, а не продлевать лицензию.

— Раиса Львовна мне не свекровь.

— В рамках вашей легенды свекровь, значит платье должно говорить: «Я достойна вашего сына, но пирог принесла сама». Твоё говорит: «Вскрытие покажет».

Примерочная на третьем этаже торгового центра пахнет новой тканью и чужими духами, зеркала показывают меня сразу с трёх сторон, и каждая версия выглядит невыспавшейся. Понедельник, одиннадцать утра.

— Сколько на ценнике? — спрашивает Вера. — Я слышу, как ты считаешь в уме.

— Тридцать восемь тысяч за синий мешок. Это три недели муки.

— Это сорок минут чужого уважения.

— Чужое уважение я зарабатываю булками.

— Булками ты кормишь людей, а платьем пугаешь. Навы-

ки разные. — Вера понижает голос и придвигается к шторке. — Кстати, о муке. Вчера я разбирала накладные: твоя мама заказала у поставщика сахар на два месяца вперёд, оплата уже прошла.

— Мама перестраховывается. В прошлом году она купила полтонны манки на случай, если закроют магазины.

— Помню. Тогда она платила наличными из шкатулки и потом полгода оправдывалась. Сегодня платёж ушёл с расчётного счёта, а в пятницу на нём лежало девятнадцать тысяч. Сахара заказано на сто сорок.

— Значит, у неё остались сбережения.

— Анька, я веду её книжку семь лет. Сбережения закончились в марте.

— Откуда тогда деньги?

— Вот поэтому я и считаю, Ань. Деньги не берутся из воздуха, даже из маминого.

— Тогда пусть объяснит сама. Спрошу завтра, сегодня у меня свекровь по легенде.

— Спроси сегодня, пока она не нашла ответ раньше тебя.

Телефон на скамейке звякает, и я тянусь к нему через шторку. На экране уведомление банка: «Поступление 150 000 #. Отправитель: Асланов Т. Комментарий: На платье».

— Вера, у меня на карте сто пятьдесят тысяч.

— Поздравляю, ты выиграла в лотерею.

— От Асланова. Комментарий: «На платье».

— Тогда завидую. Бери и выбирай хоть красное.

— Пункт пятый. Его денег я не беру. Мой хлеб, мои деньги.

— Ань, платье надевается ради его матери, значит расходы общие.

— Общие расходы у мужа и жены. Мы деловые партнёры с письмом по зданию в его столе. Одна подачка, и это письмо начнёт лежать у меня на шее.

— Красиво сказано. Возвращай, пока он не решил, что ты согласна.

Пальцы набирают перевод сами. Сто пятьдесят тысяч уходят обратно, и в комментарии у меня выходит: «Пункт пятый. Спасибо, нет». Вера выдыхает так протяжно, словно это ей вернули долг.

— Я тебя уважаю и ненавижу одновременно, — говорит она. — Бери кремовое на распродаже, одиннадцать четыреста, талия обозначена.

— Талия у меня обозначена всегда, мне нужна ткань, о ней не напоминающая.

— Что ты знаешь о Раисе Львовне? — Вера вешает синее платье обратно на стойку.

— Чак-чак, чужие шкафы, соглашаться сразу.

— Соглашайся, но медленно. Лёгкие победы она не уважает.

Снаружи, у зеркал, раздаётся ровный низкий голос:

— Возврат пришёл в одиннадцать сорок две. Я засёк.

Из-за шторки я вижу носки начищенных ботинок и край

тёмного пальто. Рядом на подставке покачивается чехол для одежды.

— Вы стоите возле примерочной?

— У зеркала. Это уважительное расстояние.

— Откуда вы узнали, где я?

— Вера написала в мессенджер, что вы идёте выбирать платье. Ждать, пока ты вернёшь деньги, я не стал и привёз платье сам.

— Вера, ты ему написала?

— Я бухгалтер, Аня, — доносится из угла. — Обязана информировать стороны.

Я выхожу в кремовом платье, придерживая молнию на спине.

— Пункт пятый, господин Асланов. Подарков нет.

Тамир оглядывает меня неторопливо, как оглядывает блюдо перед подачей: плечи, талию, лицо.

— Хорошее платье. Для кофейни. Для Раисы Львовны не хватает цвета.

— У вас есть мнение о цвете?

— У меня есть чехол. — Он расстёгивает молнию на всю длину. — Это реквизит. Платье принадлежит ателье-партнёру: оно шьёт форму для моих официантов. Наденешь вечером, завтра я верну.

— Это уловка.

— Это аренда. Пункт пятый запрещает подарки, об аренде в нём ни слова. Формулировки диктовала ты.

— Он нашёл лазейку, — шепчет Вера мне в затылок. — Бухгалтерию в нём я уважаю.

Ткань выскальзывает из чехла тёмным янтарём: плотный шёлк цвета карамели, снятой с огня за секунду до горечи, рукав три четверти, вырез лодочкой, пояс.

— Вы выбирали по моей карамели?

— По вчерашней. Я назвал её отличницей и ошибся. Она просто не знает, что ей идёт тёмный цвет.

— Вы подбираете платья по десертам?

— Я подбираю платья по тому, что запомнил. Остальное в голове не задерживается.

Вера откашливается так громко, что оборачивается женщина у вешалок.

— Примерь, — тише добавляет Тамир. — Сядет плохо, возьмёшь кремовое, и я промолчу.

— Вы промолчите?

— Попробую. Обещать не буду.

Платье садится так, словно портниха снимала мерки с моего вчерашнего вечера: талия обозначена, ожоги прячутся под рукавом, а в зеркале стоит незнакомая мне женщина. Я откидываю шторку.

— Ну? — спрашивает Тамир.

— Сидит.

— Мама спросит, откуда платье. Скажи, что выбирал я. Это правда и всё объясняет.

— Пункт первый касается Игната, не вашей мамы. Но

фразу я возьму.

— Тогда повернись.

— Вы будете смотреть.

— Я уже смотрел, когда ты надевала синее. Смотреть я умею молча.

Я поворачиваюсь. Он молчит дольше приличного, и смуглая рука со шрамом застывает над манжетой.

— Нормально, — выговаривает он наконец.

— Нормально?

— Я сказал «нормально» в смысле «очень». Словарь у меня на эту тему небогатый.

— Вы ресторатор, у вас словарь вкусов.

— Вкусов хватает. Для тебя слов не хватает. — Он кашляет в кулак. — Вера, у вас найдётся бумага для чека?

— Вы с утра так щедры на комплименты или готовитесь к маме?

— Это побочное действие платья. Через час пройдёт.

— Не пройдёт, — тихо вставляет Вера.

— Вы бухгалтер, а не врач.

— Диагнозов мне и в бухгалтерии хватает.

— Тамирчик, мальчик мой, — звучит из лаунджа, где стоят кресла для ожидающих мужей, мягкий певучий голос, — ты обещал встретить меня на вокзале, а я стою на третьем этаже, как контролёр.

Тамир оборачивается медленно, и плечи у него каменеют. В проходе между вешалками стоит маленькая круглая жен-

щина с серебряными волосами, в вишнёвом шарфе, с жестяной коробкой в руках.

— Мама. Ты должна была приехать вечером, мы договаривались на пять.

— Договаривались. Но за три часа ты переставил бы у меня посуду, вымыл полы в коридоре и убедил невесту, что я кусаюсь. Я пришла пораньше и вижу всё до уборки.

— Я не переставляю у тебя посуду.

— Переставляешь, Тамирчик. Любишь. Это у тебя с детства.

— Раньше приедешь, больше увидишь, сыночек. Утренний поезд освободился, я села. Водитель отвёз меня к вам домой, там сказали, что ты в торговом центре. — Она переводит взгляд на меня и расплывается в улыбке, тёплой, как свежая лепёшка. — А это, значит, она. Анечка, покажись.

— Раиса Львовна? — Я заправляю прядь за ухо, чтобы занять руки, и спохватываюсь: это сигнал. Тамир замечает и приподнимает бровь. — Здравствуйте. Нам очень приятно.

— Приятно тебе, дорогая. Тамир всегда говорит «мы», когда волнуется. — Она ставит коробку на кресло и подходит вплотную. — Повернись. Ох, какая. Мне писали, ты пышечка, а ты женщина с плечами. С хорошими, красивыми плечами.

— Мама.

— Помолчи, Тамирчик, я смотрю. — Раиса берёт мои руки, переворачивает ладони и задерживается на ожогах. —

Работящие. Люблю. Мужчины в нашей семье всегда выбирали тех, у кого руки пахнут делом.

— Раиса Львовна, мы с Тамиром познакомились на фестивале.

— Расскажи подробно. По телефону он говорил обрывками, как школьник у доски.

— Я стояла рядом с его столом и слушала, как он в третий раз говорит вам «мама, не начинай».

— В первых двух он ещё надеется. Дальше.

— Я отобрала у него телефон и сообщила, что у него есть невеста.

— Отобрала телефон? — Раиса прикладывает ладонь к груди. — У Тамира? В детстве он яблоко никому не давал надкусить.

— Она ещё заявила, что печёт лучше любого повара в городе, — добавляет Тамир.

— И ты не возразил?

— Я возразил про карамель.

— Моя лучше, — подтверждаю я.

— Видишь, Тамирчик, она уже поставила тебя на место. Я довольна. — Раиса заглядывает мне за плечо. — Мальчика тоже покажешь? Тамир говорил, ему девять.

— Игнат в школе, вечером будет дома с бабушкой.

— Мальчиков я люблю. Они не торгуются. А это кто прячется за вешалкой?

— Вера, моя подруга и бухгалтер.

— Бухгалтер при невесте. Умно. Значит, считать в нашей семье будет кому.

— Я привыкла, Раиса Львовна, — сдержанно отвечает Вера. — Расходы записываю подробно.

— Тем лучше. Анечка, мёд любишь?

— Мёд люблю, сахар уважаю.

— Хороший ответ. Приезжай на ужин голодной: чак-чак я привезла, остальное проверим по ходу дела.

— Спасибо, Раиса Львовна. Платье мы берём в аренду, Тамир объяснит. Мой бюджет наряды к ужину пока не предусматривает, подарки же я принимаю только от родных.

— Анечка, зачем так сурово? Тамир не обеднеет, и мне приятно, когда мои дети красивы. — Мягкая тёплая ладонь гладит меня по щеке. — Стесняться нечего. Твоя мама деньги уже взяла, дорогая.

Тамир смотрит в пол, на носки собственных ботинок, и желваки у него ходят под смуглой кожей.

Вера молчит за моим плечом, и это молчание бухгалтера, нашедшего в отчёте лишний ноль, знакомо мне слишком хорошо. Два мешка сахара на складе, три чашки на столе, мама у печи с лицом человека, слышавшего каждое слово: всё складывается в сумму, и читать итог мне пока не хочется.

Глава 5. Чужая мать

— Каких денег? — шепчу я, прижимая дверцу холодильника плечом. Из гостиной доносятся шорох подноса и мурлыканье Раисы Львовны, расставляющей чак-чак по блюдцам. — Вы знали, что она это скажет?

Тамир стоит у окна спиной к вечерним огням, в тёмной рубашке с закатанными до локтя рукавами, и белый шрам на левом предплечье виден целиком.

— Нет, — отвечает он ровно. — В машине она сказала мне одну фразу: «Я всё устроила». Подробностей не дала.

— Моё условие касалось пекарни.

— Помню каждое слово.

— Тогда расскажите про деньги.

— После ужина. Всё узнанное до десяти. Сейчас мне нужен час на проверку, а тебе нужен час на роль счастливой невесты. Согласна?

— Отсрочка. Ответа я пока не слышала.

— Это честная отсрочка. Я называю её отсрочкой и под видом ответа не подаю.

— Один вопрос, и до десяти я молчу. Это ваши деньги?

— Нет. Не мои. Остальное после ужина.

— Значит, чьи-то.

— Значит, после ужина, Анна.

— Анечка! — Раиса Львовна возникает в дверях кухни,

повязанная кухонным полотенцем вместо фартука, и окидывает взглядом шкафы. — Ох, Тамир, какие у тебя ровные дверцы. Холодно, как в операционной. Чашки по росту, я смотрю. Опять?

— Мама, по росту удобнее.

— Удобнее тебе. А где у тебя живёт обычная жизнь? Крошки, лишняя вилка, засохший лимон?

— Засохший лимон я выбросил в среду.

— Вот и вся семейная жизнь. — Она поворачивается ко мне, и улыбка теплеет у неё до самых морщинок. — Анечка, у нас принято, чтобы невестка в первый вечер приготовила что-нибудь своё. Дом должен её попробовать и только потом признать. Эчпочмаки умеешь?

— Раиса Львовна, я пекарь. Эчпочмаки я пекла один раз, по книге, лет десять назад. Получились, мягко говоря, самостоятельными.

— Вот и посмотрим на самостоятельность. — Она хлопает в ладоши. — В холодильнике баранина, картошка, лук, кефир. Мука в верхнем шкафу, сливочное масло в нижнем ящике. Остальное придумаешь.

— Мама, это экзамен, — произносит Тамир.

— Это знакомство. Экзамены сдают в школе, а здесь семья. Платье, кстати, прелесть, Анечка. Тамир выбирал?

— Выбирал он. Цвет подобрал по моей карамели.

— По карамели! Тамирчик, ты поэт.

— Я повар, мама. Поэзия у меня получается только в со-

усах.

Я оглядываю ровный ряд баночек со специями и нож, лежащий лезвием от меня, и список выстраивается сам: тесто на кефире, холодное масло, начинка кубиком.

— Хорошо. Тамир, режьте лук.

— Я? — Он поднимает бровь. — Меня тут не звали.

— Вас звала я. Лука понадобится много, а руки у вас поварские. Мясо кубиком, не фаршем, картошку и лук мельче мяса.

— Мельче нельзя. Развалится на жару.

— Вы собираетесь спорить в чужом доме?

— Это мой дом, Анна.

— Сегодня мой, пока я пеку. Берите лук.

— Мужчина режет лук, невеста месит. Как положено, — довольно кивает Раиса Львовна, присаживаясь на барный табурет и складывая ладони на колене. — Давно я не видела тебя с ножом рядом с женщиной, Тамирчик.

Я просеиваю муку, вливаю кефир, добавляю соду, соль, холодное масло и мну быстро, не давая рукам согреть тесто.

— Нож ближе к кончику, — говорю я, не поднимая головы.

— Мне виднее, как держать нож.

— Вы держите нож, как топор. Лук обидится и станет горьким. Вот так.

Я накрываю его кисть своей и поворачиваю запястье мягко, одним движением. Кожа у него горячая и сухая, шрам

под моими пальцами шершавый, и Тамир перестаёт резать вовсе.

— Лук ждёт, — напоминаю я.

— Лук подождёт.

— Тамирчик, — вмешивается Раиса Львовна, — ты соль не перепутал с сахаром? Лицо у тебя сладкое.

— Мама, я режу лук.

— Режешь, режешь. И смотришь на невесту, как на новогоднюю ёлку. Ничего, красиво. — Она наклоняет голову ко мне. — Анечка, а как зовут твоего мальчика?

— Игнат. Ему девять.

— Старое имя, хорошее. Он у тебя рисует?

— Рисует. Откуда вы знаете?

— Тамир показывал фотографию с ложкой. У мальчика взгляд инспектора, а такие рисуют, чтобы не говорить вслух.

— Мам, я показывал фотографию на минуту.

— Минуты мне хватило. Я прожила шестьдесят четыре года, Тамирчик, мне хватает.

— А у вас есть ещё внуки, Раиса Львовна? — спрашиваю я как можно небрежнее.

— Внуки будут, — отвечает она, не моргнув. — Я человек терпеливый. Расскажи лучше про пекарню. Тамир говорил, дела идут непросто.

— Дела идут. Три смены, двенадцать человек, очередь по субботам. Здание требует ремонта, а деньги мы вкладываем в муку.

— Значит, хозяйка. Одна?

— С мамой. С Верой, она ведёт бумаги. Отец оставил нам пекарню семь лет назад, мы её держим.

— А муж?

— Муж был. Ушёл, когда сыну исполнилось два.

— Дурак.

— Не спорю.

— Дурак и трус. Хорошая женщина с ребёнком и тестом, а он ушёл. — Раиса качает головой. — Тамир, а ты не уйдёшь?

— Мама.

— Я спрашиваю у невесты, она слушает. Анечка, мой сын любит порядок, но порядок не прощает беспорядка в душе. Ты понимаешь?

— Пока нет, — честно отвечаю я. — Готова слушать.

— Умница. Не спеши соглашаться. Лёгкие победы я не уважаю.

Тамир отворачивается к доске, и его щека ползёт вверх одним краем. Вера сказала мне то же самое утром, слово в слово.

— Начинка готова, — объявляет он. — Баранина, картошка, лук, соль, чёрный перец.

— Положите по кубику масла в каждую порцию, чтобы начинка не сохла.

— Масла внутрь? — Раиса поднимает глаза к потолку. — Моя мама тоже так делала. Откуда ты знаешь?

— Я не знаю. Я пекарь. У сухой начинки тесто обижает-

ся. — Я режу лепёшки квадратами, кладу горку начинки и поднимаю края треугольником, оставив наверху отверстие. — Это окошко. Через него уходит пар, иначе треугольник лопнет.

— Ты придумала?

— Любое тесто просит дыхание.

— А бульон потом нальёшь?

— Горячий, через окошко. Мясу нужна влага, тесту время, чтобы её впитать.

Раиса Львовна молчит. Она подаётся вперёд, словно нечаянно, и пальцем поправляет край треугольника на противне. Тамир тоже молчит, и мы оба знаем: сейчас она проверяет не тесто.

Через сорок минут кухня наполняется запахом бараньего сока, лука, топлёного масла и сладкой корочки. Я лью по ложке бульона в каждое окошко.

— Подавай, — командует Раиса Львовна. — Сначала мне. Нет, постой. Первый кусок в нашей семье отдают самому голодному. Тамирчик, держи.

— Я не голодный.

— Ты голодный третий год. Ешь.

— Горячо, — выдыхает Тамир с набитым ртом и становится похожим на мальчишку.

— Вот и хорошо. Горячее запоминается.

— Мы с твоей мамой разговаривали на днях, Анечка, — между делом замечает Раиса, разрезая свой эчпочмак попо-

лам. — Приятная женщина, голос как печка: тёплый и возражений не терпит.

— На днях? Когда именно?

— Давно ли, недавно ли, какая разница. Женщины находят общий язык по телефону быстрее мужчин. Ешь.

— Мам, — тихо вставляет Тамир.

— Ем сама и других угощаю.

— Возьми ещё, Анечка, ты худеешь на глазах.

— Я не худею, Раиса Львовна, я работаю.

Она берёт эчпочмак двумя пальцами, надкусывает и закрывает глаза. По подбородку сползает капля бульона, и она ловит её салфеткой.

— Соли нужно чуть больше, — говорит она через минуту.

— Добавлю в следующий раз.

— Тесто твоё. Начинка почти моя. А окошко... — Она замолкает. — Моя мама лила бульон так же. Тамир, ты помнишь бабушку?

— Помню. Она ругалась, когда я совал пальцы в окошко.

— Сколько ты спишь, Анечка?

— Четыре часа. Опару не оставишь.

— Тамир, слышишь? Четыре. А ты спишь шесть и жалуешься на усталость.

— Я не жалуюсь, мама. Я констатирую.

— Констатирует он! Всю жизнь констатирует. Анечка, ты ему напоминай: когда он говорит «я решу», он решает в одиночку, а потом удивляется, что дома холодно.

— Я учту.

— Учти. И не позволяй переставлять твои банки.

— Он уже обещал расставить их по высоте.

— Видишь, Тамирчик, она тебя читает. Я довольна. Теперь про срок: три месяца для семьи мало, приглашения рассылают заранее.

— Мама, мы не торопимся.

— Торопитесь не вы, торопится время.

— Она бы с тобой поспорила, Анечка, а потом налила бы тебе чаю. Садись, ешь с нами. Принятая невестка кладёт руки на скатерть и перестаёт стоять.

— Я не стою, Раиса Львовна, я мою противень.

— Оставь, Тамир помоет. Правда, Тамир?

— Правда, — отвечает он и улыбается открыто, во весь рот, как мальчик, застигнутый за кражей пирожка. Потом наклоняется ко мне, пока мать перекладывает эчпочмаки на блюдо. — Ты выиграла.

— У кого?

— У мамы. Она никому не рассказывала про бабушку.

— Это был экзамен?

— Это было признание. Она проверяла, придёшь ли ты за окошком сама.

— Откуда мне было знать про окошко?

— Ниоткуда. В этом и дело. — Он выпрямляется, и в голосе у него появляется то, чего раньше не было: уважение с лёгкой осторожностью. — Я думал, ты хороший пекарь. Те-

перь вижу: ты чувствуешь тесто, как другие чувствуют чужое настроение.

— Это комплимент?

— Констатация. Комплименты я делаю громче.

— Вы любите констатации.

— Я люблю точность. Остальное декорации.

— Тогда констатируйте: вечер удался?

— Вечер удался. Осталось дожить до десяти.

— А если не доживу?

— Доживёшь. Я буду следить по часам.

Телефон у него вибрирует на столе. Он смотрит на экран и хмурится.

— Мама, я на минуту. Звонок по ресторану.

Он выходит в коридор и прикрывает дверь не до конца. Раиса Львовна подвигает ко мне тарелку, наливает чай и наклоняется так близко, что я чувствую её духи, сладкие, с горчинкой.

— Я не хотела говорить при нём, Анечка. Лидия сказала, ты согласна на всё ради пекарни.

В руке у меня остывает эчпочмак, и вместе с ним остывает всё, о чём я успела подумать за этот вечер.

Глава 6. Сделка до меня

— Что значит «на всё»? — спрашиваю я у Тамира, вернувшегося из коридора с телефоном в руке и с лицом человека, получившего чужую выписку.

Раиса Львовна отодвигает чашку и прикладывает пальцы к виску.

— Ох, Тамирчик, я лишнее сказала. Язык у старухи длиннее ума. Давление шалит, пойду лягу. Анечка, не сердись на меня, дорогая. Тамир всё объяснит, он у меня объясняет лучше всех.

— Раиса Львовна, подождите. Мне нужно спросить вас кое о чём.

— Завтра, дорогая. Утро вечера мудренее, а мудрость у нас в семье с годами только прибавляется.

— Вы заплатили моей маме за то, чтобы я пришла на фестиваль?

— Я заплатила не за тебя, Анечка. Я заплатила за то, чтобы мой сын перестал ужинать в одиночку. Это разные покупки.

— Для меня это одна покупка.

— Ты поймёшь, когда твоему сыну исполнится двадцать.

Она уходит в гостевую комнату медленно, придерживаясь за косяк, и дверь за ней закрывается с тихим щелчком. Тамир стоит посреди кухни и смотрит на закрытую дверь, как

смотрят на рецепт с пропущенной строчкой.

— Десять часов, — говорю я. — Вы обещали.

— Знаю. Сядь.

— Постою.

— Тогда я тоже. — Он прислоняется к столешнице и скрещивает руки. — Звонил Марк. Это мой кузен, управляющий сетью. Он видит чужие счета лучше собственных, и час назад я попросил его посмотреть движения по маминой карте. Три недели назад она перевела четыреста пятьдесят тысяч на карту Лидии Петровны.

— Четыреста пятьдесят тысяч? За что?

— В назначении платежа стоит «помощь семье».

— У нас нет общей семьи.

— У мамы есть привычка раздавать родство вперёд. — Он потирает шрам большим пальцем. — Деньги пришли в понедельник и в тот же день ушли двумя платежами. Куда именно, Марк пока выясняет.

— Куда? Я знаю куда. Вера сегодня в примерочной показывала цифры: сахар на сто сорок тысяч и пустой счёт.

— Вера считает быстрее калькулятора?

— Быстрее вас с Марком вместе. Значит, моя мама взяла деньги у вашей и три недели тащила меня на этот фестиваль, гладила платье и расставляла чашки. — Я произношу это медленно, каждое слово пробую на вес.

— Похоже на то.

— Вы знали?

— Нет.

— Вы меня не обманываете?

— Мое условие помню. Про пекарню я не лгу. Про сегодняшний вечер тем более.

— Условие было про пекарню, а это моя мама и ваша мама. Скажите прямо: вас купили вместе со мной?

— Меня никто не покупал. Меня подвели. Разница тонкая, но я её чувствую.

— Тонкая. — Достаю телефон и набираю маму, включаю громкую связь. — Давайте проверим, насколько.

Мама отвечает на втором гудке, словно сидела с трубкой в руке.

— Анечка? Что-то случилось? Ужин прошёл хорошо?

— Мам, Раиса Львовна перевела тебе четыреста пятьдесят тысяч три недели назад.

В трубке повисает пауза длиной в семь ударов сердца.

— Кто тебе сказал?

— Её сын. Он стоит рядом.

— Здравствуйте, Лидия Петровна, — произносит Тамир ровно.

— Здравствуй, Тамир. — Голос у мамы падает на полтона, становится гладким и деловым, каким бывает, когда она торгуется с поставщиками. — Анечка, послушай, пожалуйста, до конца. Я хотела как лучше.

— Для кого лучше?

— Для нас. Два года я брала у поставщика в долг. Му-

ка дорожала, печь ломалась, а ты писала в тетрадке столбики ине спала ночами. Я решила: пусть Аня думает, что мы справляемся. Я брала расписки и отдавала наличными из шкатулки, пока шкатулка не опустела.

— Мам, почему ты мне не сказала?

— Потому что ты бы продала оборудование, закрыла вечернюю смену и ушла работать в кондитерскую при гостинице. Я знаю тебя. Ты бы утопила пекарню собственными руками, лишь бы не быть должной.

— И вместо этого ты продала меня.

— Не продала, дочка. Вложила. Раиса Львовна сама позвонила, спросила, как у нас дела. Я не просила, она предложила. А потом сказала: «Приведите дочь на фестиваль, там будет мой сын, пусть познакомятся». Я не могла отказаться.

— Не могла?

— Ты сама когда-нибудь пробовала отказаться от человека, закрывающего твой долг?

— Мам, мне тридцать шесть лет. Меня можно было спросить.

— Спросить? Ты бы спросила у кого-нибудь из нас, зачем тебе мужчина, когда есть работа. Ты бы сказала: «Мне некогда». Тебе всегда некогда, Аня. — Мама переводит дыхание. — Тамир, ты там?

— Да, Лидия Петровна.

— Ты хороший человек, я видела твои руки. Береги её. Она упрямая.

— Постараюсь.

— Тамир, он хоть поел? Я спрашиваю, потому что его мать...

— Мам, ты продала дочь и интересуешься, поел ли жених.

— Я мать, Анечка. Интересуюсь всем подряд.

— Аня, я не прошу, чтобы ты прощала сегодня. Мне хватит, чтобы ты не отключала телефон.

— Я отключу, мам. Мне надо подумать.

Нажимаю отбой, и на кухне становится тихо настолько, что слышно, как в холодильнике щёлкает реле.

Я смотрю на свои ладони: ожоги, въевшаяся мучная пыль, устойчивая к любому мылу. Семь лет я считала, что держу пекарню этими руками, а выходит, держала её мамиными расписками и чужими деньгами.

— Налить тебе чаю? — спрашивает Тамир.

— Вы предлагаете чай женщине, узнавшей, что её купили в рассрочку?

— Я предлагаю чай. Остального у меня нет.

— Тогда оставьте чай себе. Вам он нужнее.

— Согласен. Тогда у меня остаётся только правда, и вкус у неё невесёлый.

— Давайте её сюда, я хотя бы посолю.

— Соли в ней уже достаточно, Анна.

Руки сами тянутся к миске: когда я нервничаю, я кормлю всех подряд, а здесь, кроме остывших эчпочмаков и чужой скатерти, кормить некого.

— Вот и всё, — говорю я. — Две матери, один фестиваль, а в центре стола кондитер с мукой на ресницах.

— Анна...

— Подождите, один звонок. — Я набираю Веру, она отвечает до первого гудка.

— Анька? Ты услышала про деньги?

— Ты знала?

— Узнала сегодня днём, по выпискам. Хотела сказать после ужина, чтобы не портить тебе вечер. Ань, ты не на меня злишься?

— Не на тебя. На людей, решающих за меня и называющих это любовью.

— Это называется семья.

— Вера.

— Прости. Бухгалтерская привычка: называть вещи в итоговой строке. Приезжай ко мне, налью чаю.

— Не сегодня. — Я отключаюсь и поворачиваюсь к Тамиру. — Теперь вы. Ваша мама предупреждала о плане?

— У мамы всегда есть план. Она вынашивает его годами, как тесто. Мне сказала лишь: «Съезди на фестиваль, там интересные десерты».

— И вы поехали ради десертов.

— Я поехал ради десертов. Остальное оказалось бонусом.

— Бонус называется «невеста»?

— Бонус называется «женщина, сказавшая правду про мою карамель». — Тамир трёт переносицу. — Я не прошу

верить мне. Прошу не делать выводов за двадцать минут.

— У меня привычка делать выводы быстро. В пекарне она называется «чувством теста».

— И что подсказывает чувство?

— Что меня окружили. Любовно, тепло, с чак-чаком, но окружили.

— Слов достаточно. Я иду собираться.

— Куда?

— Домой. Игнат ночует у бабушки, я заберу его утром и ничего ему не скажу, потому что не умею врать детям. Платье оставлю на спинке стула.

— Подожди.

— Нет, господин Асланов. Ждать мне надоело, я ждала весь вечер.

Я иду по коридору, снимаю с вешалки пальто и натягиваю его прямо поверх янтарного шёлка. Руки не слушаются, молния на сапоге застревает на полпути, и я дёргаю её так яростно, что бегунок остаётся у меня в пальцах.

— Позволь, — говорит Тамир. Он присаживается передо мной на корточки, берёт сапог и в три движения возвращает бегунок на место.

— Я сама.

— Знаю. Но сапог уже у меня в руках.

— Вы всегда чините чужие вещи, когда не знаете, что сказать?

— Всегда. В моём ресторане нет сломанных вещей, есть

вещи, ожидающие починки.

— А люди?

— Люди тоже. Просто они ждут дольше. — Он поднимает глаза, и от этого взгляда снизу вверх мне становится жарко в чужом пальто. — Анна, позволь мне вернуть деньги маме. Хоть завтра.

— Она не возьмёт?

— Не возьмёт. Мама не принимает деньги у сына, у неё принцип. Скажет, что подарок не возвращают.

— Тогда я откажусь при ней.

— Она заплачет. Красиво, тихо, с платком. А твоя мама два дня будет пить сердечные капли.

— Вы говорите об этом очень спокойно.

— Я готовил этот разговор последние полчаса в коридоре. Спокойствие вышло дорогое.

— Тогда я верну сама.

— На что?

— На булки, господин Асланов. Годами, по рублю.

— Анна, — говорит он очень тихо, — ты не успеешь.

— Почему?

Он поднимается, и в коридоре вдруг делается тесно: он стоит между мной и входной дверью, ничего не делая, просто стоит.

— Дело шире долга Лидии Петровны. Часть денег ушла на предоплату поставщикам: сахар, масло, мука на два месяца. Если ты сейчас уйдёшь, мама решит, что договор расторг-

нут, и потребует вернуть всё до копейки. Лидия Петровна вернуть не сможет, предоплату не вернут, и вечерняя смена уже стоит на этих деньгах.

— Вера вернёт предоплату. Она умеет разговаривать с поставщиками.

— Вера умеет, но договоры подписывала Лидия Петровна, и слово там стоит «безотзывная».

— Вы читали наши договоры?

— Марк прислал их час назад. Я прочёл в коридоре, пока ты ела эчпочмак.

— Игнат ни при чём, — говорю я.

— Игнат нигде не при чём, пока взрослые решают. Он станет при чём, когда узнает.

— Вы пугаете меня.

— Я считаю. Считать я умею, ты же видела.

— Сколько?

— Если ты уйдёшь сейчас, пекарня твоей матери не переживёт месяца. Теперь ты не можешь отказаться.

Голос у него остаётся ровным: врач в таком тоне называет диагноз.

Глава 7. Правила игры

— Синий чемодан на антресоли, — произносит мама, не отходя от окна. — Зимние ботинки Игната в коридоре. Свитера в нижнем ящике, рисунки там же. Не мни их, Аня, бумага тонкая.

— Это первое предложение, сказанное тобой мне за сутки.

— Я сказала всё вчера по телефону.

— Ты сказала, что хотела как лучше. Мне хотелось услышать, что другого способа ты не знала.

— Я знала. — Мама наконец поворачивается, и под глазами у неё лиловеют круги, какие бывают только у женщин, не спавших с вечера. — Другого способа у меня не нашлось. Есть разница.

— Есть. Хуже, но честнее. — Я стаскиваю чемодан с антресоли, и тот приземляется на пол, поднимая облако пыли. — Раиса Львовна звонила тебе сегодня?

— В семь утра. Просила передать, что невеста обязана жить под крышей жениха. У них так принято, и позориться перед родственниками она не станет.

— А мне она позвонила с вокзала в шесть пятнадцать, пока я ставила хлеб. Сказала то же самое и добавила: «Иначе я решу, что договор расторгнут, дорогая». Приятный тон, мам. Тон кошки, обещающей не трогать птичку.

— Ты поедешь?

— Поеду. Вчера мне объяснили, что выбора нет, и объяснили убедительно.

— Аня...

— Не сейчас. Положи в чемодан халат, он на спинке стула.

Мама молча снимает халат со стула, складывает его втрое, как складывала всю жизнь, и опускает на дно чемодана. В дверях комнаты появляется Игнат с рюкзаком, в куртке, застёгнутой до подбородка, и с планшетом для рисования под мышкой.

— Мам, меня берут?

— Берут, зайчик. Мы поживём некоторое время у Тамира. Он помогает нам с пекарней, а потом посмотрим.

— У Тамира, спасшего торт?

— У него. — Я присаживаюсь перед сыном на корточки и поправляю воротник. — Квартира у него большая, у тебя будет своя комната. Ты можешь сказать «нет», и мы найдём другой вариант.

— А ты хочешь, чтобы я сказал «да»?

— Я хочу, чтобы ты ответил честно.

— Я думаю, что бабушка расстроится. — Он смотрит мимо меня на маму, замершую у шкафа с чемоданной ручкой в руке. — Бабушка, ты не расстроишься?

— Я расстроюсь, внучек. Но недолго, я быстро привыкаю. Будешь приезжать на выходные, я напеку тебе пирожков с капустой.

— С яблоками тоже?

— И с яблоками.

— Тогда ладно. — Игнат деловито поправляет рюкзак. — Мам, а он будет моим папой?

Вопрос повисает в тесной прихожей, как запах горелого. Мама роняет ручку чемодана, а я так и остаюсь сидеть на корточках, глядя в серьёзное лицо сына.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что у Макса в классе мама привела дядю, и через месяц дядя стал папой. Макс сказал, что так всегда получается.

— Не всегда, зайчик. Папой человека делает ребёнок, и только когда сам захочет.

— А ты хочешь, чтобы он стал?

— Я хочу, чтобы ты знал: никто не станет твоим папой, пока ты сам не скажешь. Тамир не папа. Он человек, помогающий маме. Понятно?

— Понятно. — Игнат кивает и добавляет тихо, словно извиняется: — Простите, что спросил.

— Не за что извиняться, дорогой.

— Я просто не хотел, чтобы вам было неловко.

— Мне не неловко. — Мама отворачивается к окну, и плечи у неё вздрагивают. — Иди, внучек, пока я не расплакалась в твой рюкзак.

В дверь стучат ровно в шесть: три размеренных удара, ни одним больше. На пороге стоит Тамир в тёмном пальто, за

спиной у него молодой водитель в серой куртке, вежливый молодой человек, кланявшийся ночью у чёрного хода.

— Добрый вечер, Лидия Петровна, — говорит Тамир. — Анна. Игнат.

— Добрый вечер, Тамир, — отвечает мама, не отрываясь от окна. — Эмиль, правильно? В субботу вы стояли у чёрного хода нашей пекарни.

— Правильно, — склоняет голову водитель. — Простите за беспокойство.

— Беспокойство — это когда не стоят. Вы стояли, значит, заботились. Входите, чай остыл, но вода ещё горячая.

— Спасибо, мы заберём вещи и поедем, — вмешивается Тамир. — Чемоданов сколько?

— Один, — отвечаю я. — Остальное привезу завтра, пекарня до девяти, потом разберусь.

— Эмиль, чемодан в машину. — Он переводит взгляд на Игната. — Привет, инспектор. Помнишь меня?

— Помню. Вы торт держали.

— Держал. А ты командовал. Я приготовил тебе комнату и хочу узнать, подойдёт ли она. Поехали?

— Я могу сказать «нет»?

— Можешь.

— А вы обидитесь?

— Я пойму. Обидеться я успею завтра, на досуге.

Игнат вглядывается в Тамира секунды три. Потом протягивает ему планшет:

— Тогда понесите, пожалуйста. Он тяжёлый, и в нём мои карандаши.

Мама провожает нас до порога, поправляя платок на шее.

— Тамир, не давай ей работать по ночам. Она встаёт в четыре.

— Я попробую поспорить с её будильником.

— Он упрямее вас обоих. И корми Игната завтраком, сам он забывает.

— Яичница, каша или бутерброд с сыром. Выберем по дороге.

— Каша. Овсяная, на молоке, с щепоткой соли. Сахара не клади.

— Запомнил.

Квартира в этот час кажется ещё больше: в окнах густеет вечер, на кухонном острове сияют три лампы, пахнет кардамоном и чистотой. Тамир ведёт нас по длинному коридору, открывая двери одну за другой.

— Кабинет, ванная, гардеробная. Здесь гостевая, где вчера ночевала мама. Твоя, Анна, следующая. Окна во двор, тихо, кровать широкая.

— Спасибо. Игнатова комната?

— Рядом, чтобы ты слышала. — Он толкает последнюю дверь. — Вот.

Комната светлая, с высоким окном, на подоконнике ящик с землёй и маленький кактус. У стены стоит широкий письменный стол, на нём открытая коробка: шестьдесят каранда-

шей разных оттенков, ластики, точилка, блокнот в клетку и чистые листы. Игнат застывает на пороге.

— Это мне?

— Если подойдёт. Не нравится — уберём.

— Здесь шестьдесят карандашей.

— Шестьдесят четыре. Четыре я прибавил на случай, если какой-нибудь закончится.

— Они дорогие?

— Они нужные. — Тамир присаживается на край кровати. — Ты рисуешь, мама говорила. Я видел твой рисунок торта на холодильнике в пекарне. У тебя получаются тени.

— Я стараюсь, чтобы они были правдивыми. Но у меня плохо выходит с руками.

— У всех плохо с руками. Я тоже не умею. — Он протягивает свою левую ладонь с белым шрамом, и Игнат рассматривает его с детской серьёзностью. — Рисуй мою руку, когда захочешь. Она всё равно не двигается, пока я думаю.

— Простите, я ничего не испачкаю, — шепчет Игнат, глядя на светлое покрывало.

— Пачкай. Для этого ластики и куплены. Хочешь, чтобы я вышел?

— Нет. Побудьте здесь. Я не знаю, где у вас что.

— Всё покажу утром. Сейчас главное, чтобы ты знал: дверь не запирается, свет можно включать в любое время, холодильник открыт всегда. Если ночью захочется пить, заходи, не стесняйся.

— Спасибо.

— А у вас есть дети? — спрашивает Игнат, не поднимая головы от карандашей.

— Это длинная история. Расскажу, когда ты обустроишься.

— Взрослые так говорят, когда не хотят отвечать.

— Взрослые так говорят, когда ответ слишком длинный для одного вечера. Спроси меня ближе к выходным.

— Хорошо. Я запишу в блокнот.

Мой сын выводит в блокноте дату и три слова, и у меня внутри что-то коротко щёлкает.

Я стою в дверях и смотрю, как мой сын, умеющий извиняться за всё подряд, осторожно касается карандашей кончиками пальцев, как трогают клавиши рояля в чужом доме.

После восьми, когда Игнат засыпает над блокнотом, Тамир ставит на кухонный остров две чашки.

— Правила дома, — говорит он. — Короткие.

— У меня их было пять, у вас шесть. Вы любите нумерацию.

— Пять. Первое: дверь моей спальни по ночам закрыта, это привычка. Второе: кухня общая. Третье: Игнат ест в любое время, мои продукты его продукты. Четвёртое: ты приходишь и уходишь, когда хочешь, ключ у Эмиля. Пятое: дальняя дверь в конце коридора не для гостей.

— Что за ней?

— Моя территория. Пока.

— Вы обещали не врать мне про пекарню. Про квартиру тоже не соврёте?

— Не вру. Сказал: не для гостей. Подробности дам, когда сам разберусь.

— Это называется «уклониться».

— Это называется «отложить». Разница в том, что отложенное я возвращаю.

— Пятое правило мне не нравится.

— Оно мне тоже. — Он обхватывает чашку обеими ладонями. — Анна, спасибо, что приехала. Я понимаю, что ты сделала это не ради меня.

— Ради сына и мамы.

— Ради них. Ничего. Я начну со скромного: разрешишь мне утром варить тебе кофе?

— Кофе вы варите искуснее меня, и это позор для кондитера.

— Значит, договорились. — Он ставит чашку, и я замечаю, что сегодня он не поправил на столе ни единой вещи. — Остальное по ходу дела.

В девять вечера звонит мой телефон. Звонит мама, и я выхожу в коридор, прикрывая дверь.

— Аня, это я. Не клади трубку.

— Не кладу.

— Я хочу сказать вчерашнее, недосказанное. — Голос у неё тихий, непривычно неровный. — Я не умею просить прощения. Меня так не учили. Когда твой отец умер, я решила:

буду держать всё сама, лишь бы ты не плакала над счетами. Я перестаралась.

— Мам...

— Дай договорить. Я отправила с водителем суп. Красная кастрюля, куриный, с лапшой. Тамир сказал, что Эмиль заедет в десять. Поешьте втроём. Скажи Игнату, что бабушка варила особенный, с укропом.

— Хорошо.

— Ты меня простишь?

— Не знаю. Но суп съем.

— Этого мне достаточно. Пока.

В половине одиннадцатого я захожу к Игнату поправить одеяло. Он лежит с открытыми глазами, повернувшись к стене, и в свете ночника блестит влажная полоска на щеке.

— Мам, — шепчет он, не оборачиваясь. — А если он нас выгонит, мы вернёмся к бабушке?

Я сажусь на край кровати и смотрю на потолок чужой квартиры, не находя честного ответа.

Глава 8. Незнакомый дом

— Не выгонит, — шепчу я, поправляя одеяло, и сама слышу, как неуверенно это звучит. — А если выгонит, мы вернёмся к бабушке, она напечёт пирожков с яблоками и скажет, что всегда была права.

— Она и правда всегда права, — отзывается Игнат в подушку. — Но мне нравится кактус.

— Тогда пусть растёт. Спи.

В половине четвёртого утра я крадусь на кухню, и над плитой уже горит свет: Тамир стоит у конфорки с деревянной ложкой, на огне пыхтит кастрюля.

— Вы не спите?

— Сплю в пределах разумного. — Он помешивает содержимое. — Овсянка на молоке, щепотка соли, сахара нет. Лидия Петровна сказала, что Игнат забывает завтракать. Оставлю на тёплой конфорке, он поест, когда встанет.

— Вы запомнили про соль.

— Я запоминаю всё про еду. Профессиональное. — Он наливает кофе в термос и закручивает крышку. — Эмиль ждёт внизу. Обратно приедешь на нём же.

— Я могу добраться сама.

— В четыре утра на такси? Об этом мы не спорим.

— У нас нет такого пункта.

— Вы всегда добавляете пункты в одностороннем поряд-

ке?

— Только пункты о сне. Ты спишь меньше всех, кого я знаю.

— Вы знаете трёх человек.

— Четырёх. Игнат спит двенадцать часов. — Он протягивает мне термос и записку, сложенную вдвое. — Это для Игната. Прочти ему, когда проснётся.

— Что там?

— Где лежат хлопья, молоко и фрукты. И что вечером я вернусь к ужину.

— Среда, — вспоминаю я. — По средам вы ужинаете со мной.

— Среда. И сегодня готовим вместе, предупреждаю заранее.

В обед звонит Вера, и я отвечаю, не выпуская из рук противень.

— Ну как квартира?

— Просторная. В лифте пахнет кардамоном и деревом. Игнату выдали шестьдесят четыре карандаша.

— Шестьдесят четыре? Он что, скупил весь магазин канцтоваров?

— Он их купил. В понедельник вечером, пока я ела эчпочмаки.

— Аня, это нехорошо.

— Что именно?

— Нехорошо, когда мужчина запоминает. Запоминающие

опаснее щедрых. Щедрого можно вернуть в магазин, а запомнившего потом из головы не вытащишь.

— Вера, тебе не пора сверять накладные?

— Мне пора слушать тебя дальше. Он кормит тебя завтраком?

— Он оставил овсянку Игнату. Лидия Петровна просила: соль да, сахар нет.

— Лидия Петровна просила Тамира Асланова?

— Просила. Он запомнил.

— Подчёркиваю в блокноте: «Запомнил». И рядом: «Опасно».

— Подчёркивай что хочешь. Мне пора.

— Подожди. У тебя голос изменился.

— Это усталость.

— Это что-то из двух слогов с фамилией на «А».

— Вера.

— Молчу. Звони вечером, расскажешь про плов.

— Откуда ты знаешь про плов?

— Игнат написал мне в мессенджер с маминого телефона. Он внимательнее вас обоих.

Вечером Игнат встречает меня в прихожей с карандашом за ухом.

— Мам! Тамир разрешил мне нарисовать его руку. Шрам вышел как река на карте.

— Покажи.

— Потом, после ужина. Мы готовим плов, а я режу мор-

ковь. Тамир сказал, что у меня отличный нож для начинающего.

— Нож? Ты с ножом?

— С детским, мам. Тамир дал маленький. Показал, как держать пальцы.

На кухне Тамир в фартуке стоит у плиты, а рядом на табурете мой сын шинкует морковь, высунув от усердия язык.

— Здравствуйте. Вы командуете на моей территории?

— Здравствуй. Территория общая, это третье правило дома. Руки помыла? Садись, будешь контролёром качества.

— Я кондитер. Что вы кладёте в плов?

— Баранину, лук, морковь, зиру, барбарис, чеснок целиком.

— А корица?

— Какая корица в плове, Анна?

— Обыкновенная, щепотка. Она подчёркивает сладость моркови.

— Она превращает плов в компот.

— Мам, — вмешивается Игнат, — а можно, мы проверим?

— Конечно, зайчик. Сейчас дядя Тамир признает мою правоту.

— Не признаю. Но готов поставить эксперимент. Игнат, делим казан пополам. Слева с корицей, справа классика. Ты судья.

— А можно голосовать по-честному?

— Только так и можно.

— Нож у вас тупой, — замечаю я через минуту. — Лук давится, а не режется.

— Нож у меня японский, за двести евро. Лук давится, потому что ты стоишь у меня над душой.

— Я стою над сковородой.

— Над сковородой стоят молча.

— Я молчу выразительно.

— Это заметно. — Он убирает со лба прядь запястьем, чтобы не испачкать масло. — Подай зиру, пожалуйста.

Я тянусь за баночкой, и его рука тянется к ней же: пальцы сталкиваются, ладонь горячая, шершавая от старых порезов, и я забываю, зачем мне эта баночка.

— Прости, — говорит он тихо.

— Это терпимо, — отвечаю я, не убирая руки. — Пункт третий допускает полотенце.

— Полотенце у тебя в левой.

— Значит, допускает.

— Мам, у тебя щёки красные, — сообщает Игнат. — Это от плиты?

— От плиты, милый.

— Мне показалось, от дяди Тамира.

— Игнат, — вмешивается Тамир, — подай мне, пожалуйста, чеснок. Он у тебя за спиной.

— Вы тоже покраснели.

— Я загорел.

— Дома? В кухне? — Игнат склоняет голову набок. — Странный у вас загар.

— Дипломатия, Игнат, вещь странная. Режь морковь.

— А где вы научились готовить? — спрашивает Игнат, не отрываясь от соломки.

— У бабушки. Потом у чужих людей на чужих кухнях. Начинал с мытья полов.

— А шрам откуда?

— Игнат, — одёргиваю я.

— Ничего. — Тамир переворачивает руку ладонью вверх. — Мне было четырнадцать, я нёс кастрюлю с кипящим маслом и поскользнулся на мокром полу. Шеф сказал: «Теперь ты настоящий повар».

— Больно было?

— Тогда да. Теперь шрам напоминает, что я выжил и отработал ещё двадцать пять лет.

— А я боюсь ножа, — признаётся Игнат.

— Бояться полезно. Бесстрашные повара лишаются пальцев, а осторожные открывают рестораны.

Плов получается двухцветным: слева с корицей, он пахнет домом, справа классический, строгий. Игнат пробует по очереди, жуёт с важностью дегустатора и объявляет:

— Ничья.

— Ничья? — возмущаюсь я.

— Ничья, мам. Слева вкуснее для тебя, справа для Тамира. А мне нравятся обе половины, потому что их делали вме-

сте.

За столом повисает тишина. Тамир откладывает вилку и смотрит на моего сына, словно нашёл в старом шкафу забытую банку редкой специи.

— Хороший судья, — произносит он глухо. — Справедливый.

— Я старался.

— Старайся и дальше. Тебе это идёт.

— Спасибо. Мам, бабушка звонила, пока вы резали лук. Спросила, есть ли в плове мясо.

— А ты что ответил?

— Что есть. Она сказала, что тогда спокойна. Ещё спросила: «Дядя Тамир смотрит на маму?»

— А ты?

— Сказал, что смотрит как на пирожное.

— Игнат!

— Я правду сказал, мам. Правду говорить можно, вы сами учили.

— Спасибо. А можно мне теперь рисовать?

— Иди. Только карандаши потом закрой, они сохнут.

Игнат убегает и через десять минут возвращается с листом, прижатым к груди.

— Можно показать?

— Нужно, — отвечает Тамир, вытирая руки.

Игнат кладёт лист на кухонный остров. Ладонь вышла крупной, с шрамом-рекой через всё запястье, а на реке плы-

вёт крошечный кораблик с парусом.

— Куда плывёт кораблик? — спрашивает Тамир.

— К кому-то. Я пока не придумал к кому. Когда рисуешь, не знаешь, пока не нарисуешь до конца.

— А когда узнаешь?

— Скажу вам первому. Вы единственный, кто попросил показать.

Тамир долго смотрит на рисунок, потом на меня, и в его лице проступает уязвимость, спрятанная под выправкой.

— Спасибо, инспектор. Повешу на холодильник.

— На вашем холодильнике ничего не висит.

— Теперь будет.

Игнат уходит спать, а я мою посуду. Руки требуют занятия, а Тамир вытирает тарелки и ставит их в шкаф строго по росту.

— Расскажи про отца, — просит он. — Твоя мама говорила, он оставил вам пекарню.

— Он был громкий. Пел, когда месил тесто, и фальшивил так, что мука разлеталась по всему цеху. Рецепт карамели он хранил в голове и передал мне в шестнадцать лет. На бумаге его нет.

— Ни строчки?

— Ни одной. Он считал: записанный рецепт можно украсть.

— Рискованно.

— Зато честно. Половину я успела передать Игнату,

остальное досказываю по кусочкам.

— Значит, в этом доме два хранителя.

— Три, если считать мою маму. Она знает всё, но молчит из вредности.

— Завтра Эмиль заберёт Игната из школы. Ты будешь в пекарне до трёх, а у него уроки заканчиваются раньше.

— Пункт третий.

— Это вмешательство?

— Это забота. Пограничная.

— Тогда разреши. Один раз, пробный.

— Один. Если он вернётся с фантиком в кармане, я пересмотрю договорённость.

— Фантики я проверю лично.

— Анна, — Тамир складывает полотенце вчетверо, — вчера мама позвонила из дома. Спросила, как ты устроилась.

— Что вы ответили?

— Что ты спишь четыре часа и ругаешь мой нож.

— И что она?

— Сказала, что ты мне подходишь. И что нож надо поменять.

— Раиса Львовна умеет попадать в цель.

— Она умеет стрелять чужими руками. Я предупредил, что такие разговоры не помогут.

— А она?

— «Помогут, Тамирчик, просто не сразу».

— Она всегда так разговаривает?

— Всегда. Даже когда заказывает такси.

— Раиса Львовна права, — говорю я. — Холодно, как в операционной.

— Мама права часто. Неудобно.

— Переставьте хотя бы одну тарелку. Поставьте маленькую между большими.

— Зачем?

— Чтобы шкаф дышал.

Он долго держит в пальцах маленькую белую тарелку и наконец ставит её вторым номером, между двумя большими. Шкаф словно выдыхает.

— Нервы, — произносит он. — Но пусть стоит.

— Вам идёт беспорядок.

— Мне идёт всё, пока ты рядом. Сегодня. Завтра посмотрим.

— Это комплимент?

— Констатация.

— Вы повторяетесь.

— Повторение признак стабильности. В ресторанах это называется «фирменная подача».

— Я не блюдо, господин Асланов.

— Блюдо я давно бы оценил. С тобой приходится ждать.

— Ждите. Я предупреждала: пункт второй.

— Я помню все твои пункты, Анна. Они лежат у меня в кармане.

— Завтра у меня будильник на три двадцать.

— Тогда я встану в три десять. Спокойной ночи, Анна.

В одиннадцатом часу, когда Игнат давно спит, я выхожу в коридор за водой. Из-под двери кабинета бьёт тёплая полоса света, а в самом конце, у запертой двери с тёмной латунной ручкой, лежит что-то светлое. Я подхожу ближе и замираю: из щели торчит угол цветной фотографии. На глянцевом клочке видна девочка в полосатой шапке с ложкой в руке, а на её плече лежит мужская ладонь с белым шрамом, идущим от запястья под манжету.

Глава 9. Соль и перец

— Розовый перец мельче, — командую я, растирая в ступке красные горошины. — Крупный в карамели хрустит, как песок на зубах.

Тамир выставляет на стенд шестьдесят золочёных мисочек и отвечает, не оборачиваясь:

— Крупный даёт точку. Мелкий размазывается и пропадает.

— Точка нужна на тарелке, а здесь людям надо наесться за три бумажные ложки.

— Тогда ты права. Мельче. — Он оборачивается и смотрит на ступку. — Кстати, вторую ночь ты спишь четыре часа. Это заметно.

— Заметно только вам. Остальные думают, что я так выгляжу от природы.

— Остальные ничего не думают, они пришли за дегустацией. — Он поправляет табличку на стенде: «Верещагины × Горная пряность. Соль и перец». — Название придумала Вера. Говорит, оно продаётся лучше любого пресс-релиза.

— Вера всё продаёт лучше любого пресс-релиза. Вы правда позвали сорок блогеров?

— Двенадцать пришли. Остальные обещали, что посмотрят в записи.

— Значит, мы выступаем перед двенадцатью.

— Перед двенадцатью и перед очередью. Очередь важнее блогеров, она платит.

Угол фотографии у дальней двери к утру исчез, замок щёлкнул, ключ лёг к Тамиру в карман. «Ближе к выходным», — сказал он Игнату. Значит, выходные я подожду.

На площади у вокзала гудит гастрономический фестиваль. К одиннадцати вокруг нашего стенда выстраивается очередь, и я раскладываю карамель по мисочкам с остервенением, словно от скорости зависит чья-то жизнь.

— Спокойнее, — шепчет Тамир мне на ухо, проходя мимо с подносом. — Ты разливаешь ложку, а не тушишь пожар.

— Вы стоите слишком близко.

— На людях так положено. — Он наклоняется ниже, и от него пахнет кардамоном и утренним мылом. — Улыбайся. Нас снимают.

— Кто?

— Кто-то с телефоном за твоей спиной. Мы пара, Анна.

— Я улыбаюсь.

— У тебя лицо человека, ждущего налоговую проверку.

— Хорошо. — Я растягиваю губы и поворачиваюсь к покупательнице. — Пожалуйста, соль и перец. Три мисочки по цене двух, если назовёте карамель по имени.

— А какое имя? — смеётся женщина в красном пальто.

— «Отличница». Она недожарена, зато милая.

Тамир за моей спиной издаёт звук, похожий на сдержанный кашель.

— Ты назвала карамель моим словом.

— Вы дали слово, я им пользуюсь. Это договорное право.

В двенадцать к нам подходят двое. Первый плотный, в замшевом пиджаке, с аккуратной бородкой и улыбкой менеджера по продажам. Второй длинный и худой, увешанный бейджами, с микрофоном.

— Тамир, дорогой! — Мужчина в замше распахивает объятия. — А вот и героиня дня. Анна, верно? Марк, кузен этого скрытного гения и управляющий всей его империей. Тамир ни слова не говорил, что ты такая... домашняя.

— Здравствуйте, Марк. Домашняя я дома, а здесь рабочая.

— Очаровательно. — Он осматривает меня сверху вниз, задерживаясь на фартуке. — Тамир всегда любил простое. Деревенская булка, молоко с утра. Трогательно, и покупатель идёт.

— Марк, — спокойно говорит Тамир, — ты опоздал на двадцать минут и успел соврать про мои привычки.

— Я шучу, брат. Это комплимент.

— Это шутка с запахом. Кого привёл?

— Игорь Шаров, шеф сети «Белая лилия». Хочет сказать пару слов в эфир.

— Всем добрый день, — сообщает длинный в микрофон, и толпа у стенда оборачивается. — Тамир, поздравляю с помолвкой. Анна, у вас булочная где-то на окраине? Слышал, очередь по субботам. Прелестно. Нынче в моде Золушки:

они продаются хорошо, особенно в паре с нужной фамилией.

Очередь стихает. Женщина в красном пальто опускает ложку. Горячая волна поднимается от шеи к щекам, и пальцы, сжимающие половник, деревенеют.

— Спасибо за наблюдение, — говорю я ровно. — Фамилия у меня своя, Верещагина. Золушкой я не работаю, кондитеру платят щедрее.

— О, ответ с зубами, — одобряет Шаров. — Тамир, она у тебя огонёк.

— Огонёк у меня на конфорке, — отзывается Тамир, и по голосу слышно, как плотно он держит себя в руках. — Игорь, у меня предложение. Съешьте мисочку и скажите в микрофон, что думаете.

— Об этом?

— О карамели. Только про вкус, фамилии оставьте дома.

Шаров берёт ложку, пробует, и лицо у него меняется: сначала брови ползут вверх, потом губы сжимаются.

— Ну? — спрашивает Тамир.

— Тёплая, — произносит наконец Шаров.

— Это слово я произнёс позавчера.

— Значит, у нас с вами общий словарь. — Шаров вытирает уголок рта салфеткой. — Она не пережжена. И не сладкая до тошноты. Я бы взял её в меню.

— Не продаётся, — говорю я.

— Всё продаётся, Анна.

— Не всё. Я очень долго проверяла.

— Ладно, шутка отыграна. — Шаров поднимает микрофон. — Но скажу честно: пара вы или нет? Спорите про перец, как супруги с двадцатилетним стажем.

— С двадцатилетним? — переспрашиваю я. — Это комплимент?

— Это наблюдение.

— Тогда пусть сам расскажет. — Я заправляю прядь за ухо и поворачиваюсь к Тамиру.

Он понимает сразу. Наклоняется и целует меня в щёку, быстро, тепло, на секунду дольше нужного. Кожа вспыхивает, а толпа за спиной выдыхает и взрывается аплодисментами.

— Фанфары вы не заказывали, — шепчу я.

— Они сами. Это эффект правды. — Он выпрямляется, обращается к Шарову: — Игорь, запомните: эта булочница пекла в своей пекарне ещё до того, как вы научились резать лук. Приходите в субботу, угощу. Вы же любите карамель.

— Благодарю, — выдавливает Шаров. — Всего доброго.

Он уходит, ссутулившись. Марк задерживается на секунду, и взгляд, брошенный на Тамира, лишён родственной теплоты.

— Умеешь ты устраивать спектакли, брат.

— Это не спектакль, Марк. Найди себе занятие.

— Найду. — Он подмигивает мне. — Анна, рад знакомству. Береги его, он хрупкий.

— Очень, — отвечаю я. — Как гранит.

Он уходит к палатке с кофе, а Тамир остаётся рядом, делая вид, что пересчитывает мисочки. Я полощу ложки в ведре и слышу, как Марк возвращается и тихо спрашивает:

— Письмо по зданию ты не отозвал?

— Не сейчас, Марк.

— Значит, бумаги в силе.

— Значит, обсудим вечером. Уходи.

Ложки в ледяной воде звенят о края ведра, и я полощу их, пока пальцы не немеют.

— Щека, — говорю я Тамиру, когда Марк исчезает из виду. — Пункт второй допускает поцелуй в щёку на людях по сигналу.

— Сигнал был.

— Был. Но вы целовали дольше положенного.

— Нормативов я не знаю, я работаю по вдохновению.

— Вдохновение учтём в следующем договоре.

— Следующий будет? — Он улыбается одним углом рта.

— Не будет. Просто красиво прозвучало.

— Господин Асланов, какие бумаги в силе?

— Предложение по зданию формально действует. Шагов по нему я не делаю, пока ты рядом. Это записано в нашем уговоре.

— Вы говорили, что письмо лежит у вас в столе.

— Лежит. А поверх него лежит мой уговор с тобой.

— Вы обещали не врать мне про пекарню.

— Я не вру. Отзову предложение при Марке, и он спросит

зачем. Объяснять придётся про нас.

— Марк не знает про договор?

— Марк знает то же, что и все. Помолвка настоящая.

— Мне не нравится, что за моим зданием наблюдает чужой человек.

После обеда детский уголок за соседней палаткой заполняется ребятнёй. Мальчик в оранжевой куртке роняет мороженое на брусчатку и застывает над лужицей, готовый разреветься. Тамир, не договорив с поставщиком, присаживается перед ним на корточки.

— Эй. Какое оно было?

— Клубничное.

— Хорошее. Сейчас вернём. — Он достаёт из кармана купюру и подзывает продавца. — Клубничное, два шарика, самый большой рожок. И салфетку.

— Мама сказала, у чужих брать нельзя.

— Мама права. Но я не чужой, я человек со шрамом. Это отдельная категория.

— А шрам настоящий?

— Настоящий. Могу показать документы.

— Не надо. Я верю.

Малыш хихикает и берёт рожок обеими руками.

— Спасибо вам огромное, — выдыхает подбежавшая мама. — Он у меня растяпа, а вы спаситель.

— Пустяки, — отмахивается Тамир.

— Вы прекрасная пара, — добавляет она, оборачиваясь

ко мне. — Видно, как он на вас смотрит.

— Спасибо. Мы стараемся.

— Не стараетесь, и это видно. Берегите друг друга.

Женщина уводит малыша, а я стою с подносом и чувствую, как внутри что-то мягко оседает, как опара под тёплым полотенцем.

— Сто двадцать порций, Аня, — сообщает Вера, пробираясь между палатками. — Касса выше плана на сорок процентов.

— Я знаю, я считала.

— Считала порции, а на мужчину смотрела. Эти вещи делаются по разным дорожкам. — И она останавливается рядом со мной, глядя туда же, куда и я.

— Ты уже влюбилась, — констатирует она.

— Вера.

— Не отрицай. Подбородок, плечи, ресницы, дети. Полный комплект. Я предупреждала.

— Ты предупреждала про подбородок.

— Теперь предупреждаю про остальное. Аня, я бухгалтер. Я вижу баланс. С одной стороны договор, с другой он. А посередине пустая строка.

— Заполню, когда придёт срок.

— Заполнишь, когда будет поздно. — Вера вздыхает. — Ладно, пей кофе. Но договор перечитывай каждый вечер.

— Я знаю его наизусть.

— Тогда перечитывай по памяти.

— Он защитил тебя не по договору, — добавляет Вера. — По договору хватало одной фразы. А он устроил Шарову дегустацию с публикой.

— Он ресторатор, любит публику.

— Он влюблён в твою карамель, а следом, я по цифрам вижу, и в хозяйку.

— Цифры у тебя всегда сходятся?

— Всегда. Это моя беда.

— Спасибо, что не ушла от микрофона, — говорит Тамир, пересчитывая мисочки. — Я бы на твоём месте ушёл.

— Мне некуда было уходить, я стояла за прилавком.

— Ты ответила про Золушку. Я записал.

— Запишите ещё, что кондитеру платят щедрее.

— Записал дважды.

Когда мы собираем стенд, на площади гаснут лампы, и Тамир отходит в сторону с телефоном. Я заворачиваю остатки карамели в пергамент и слышу его голос, приглушённый и теплее обычного:

— Да, мама. Нет, не надо ничего покупать. Я сам. — Пауза. — Подожди, повтори. Завтра? Вечером? — Он оборачивается, встречается со мной взглядом и тут же отводит глаза. — Хорошо. Скажи ей, что я жду. Мира приедет завтра.

Глава 10. Комната Миры

— Мам, дальняя дверь не заперта. — Голос Игната доносится из конца коридора, ровный и осторожный, как у человека, нашедшего чужой кошелёк. — Её качает сквозняком.

Я выхожу из кухни с полотенцем на плече и вижу сына в трёх шагах от порога. Дверь с тёмной латунной ручкой приоткрыта на ширину ладони, внутри шевелится занавеска, а на паркете у щели лежит рисунок, сорванный ветром с чьей-то стены.

— Отойди, зайчик. Это чужая комната.

— Там открыто окно, мам. Если пойдёт дождь, всё намокнет.

— Хорошо. Я только закрою окно и сразу выйду. Ты стоишь здесь.

— А можно мне посмотреть?

— Нельзя. Стой.

— Мам, а если там кто-то спит?

— Никто не спит. Комната пустая.

— Но кровать застелена.

— Потому что кто-то её застелил. Стой на месте.

Я вхожу. Комната светлая, лавандовая, на кровати под полосатым пледом сидит белый плюшевый кролик с одним ухом, пришитым чужой ниткой. Книжные полки ломятся от детских книг, на подоконнике выстроились акварельные

краски, а над письменным столом висят десятки рисунков в картонных рамках. Подписи в углу меняются от «Мира, 6 лет» до «Мира, 10 лет».

Я закрываю окно, поднимаю упавший лист и поворачиваю к свету. Дом, остроконечная крыша, трава зелёным карандашом. Перед домом стоят пожилая женщина в широком платке и девочка с косичками, а у самого края бумаги, вдалеке, маленькая фигура с длинными ногами. Внизу печатными буквами выведено: «Папа (на работе)».

— Мам, — спрашивает Игнат из коридора, — чья это комната?

— Не знаю, милый.

— Знаешь.

— Догадываюсь. Выходи.

— Ты тоже.

В прихожей хлопает дверь, ключ дважды поворачивается в замке, и по коридору приближаются шаги, быстрые и тяжёлые. На пороге возникает Тамир с папкой под мышкой. Он видит открытую дверь, меня с рисунком, Игната, и лицо у него каменеет.

— Анна.

— Дверь была не заперта. Сквозняк распахнул окно, я зашла закрыть.

— Ключ остался в замке, я проветривал. — Говорит он тихо, но пальцы на папке белеют. — Игнат, будь добр, оставь нас на десять минут.

— Ближе к выходным? — спрашивает Игнат.

— Сегодня пятница. Это ближе.

— Хорошо. — Мой сын кивает и уходит по коридору, оглядываясь через плечо. — Я буду рисовать.

Дверь в его комнату щёлкает. Тамир останавливается напротив меня на пороге детской, не заходя внутрь.

— Положи рисунок на стол.

— Положу. — Я опускаю лист на стол и разглаживаю уголок. — Её зовут Мира?

— Мира.

— Сколько ей лет?

— Одиннадцать.

— Это ваша дочь.

— Да.

— И она живёт не здесь.

— У моей мамы, в её городе. Мы видимся по выходным и каникулам. Летом я езжу к ней, зимой она приезжает сюда. — Он наконец заходит в комнату, останавливается у полки и проводит пальцем по корешкам. — Я хотел рассказать тебе сегодня за ужином. Она приезжает вечером.

— Вчера по телефону вы сказали «завтра».

— Завтра по моему календарю пятница.

— Вы собирались поставить меня перед фактом.

— Я собирался поставить тебя рядом с фактом. Это немного мягче.

— Это одно и то же. — Голос у меня дрожит, и я сжимаю

полотенце. — Три дня вы едите с моим сыном, пахнете кардамоном, учите его держать нож, а в конце коридора у вас закрыта комната с кроликом.

— Анна...

— Про дверь вы сказали «не для гостей». На вопрос, что за ней, ответили «моя территория». Территория девочки, господин Асланов. Одиннадцатилетней.

— Дословно это правда. Комната моя территория, она моя дочь.

— Это называется «дословно». Самый удобный способ не лгать.

— Я не считал это ложью.

— Игнат спросил вас в понедельник, есть ли у вас дети. Вы ответили: «Спроси ближе к выходным». Не соврали, отложили. А ребёнок девяти лет записал дату в блокнот.

— Знаю. Это единственное, чего я по-настоящему стыжусь.

— Вы вообще редко что-нибудь считаете ложью. Вы умалчиваете, откладываете, уточняете, формулируете. А люди потом узнают про вас случайно, через сквозняк. — Я делаю вдох. — Ты врал мне про честность.

Тамир вскидывает глаза.

— Ты перешла на «ты».

— Заметили? Значит, сигнал сработал.

— Анна, я прячу её не из стыда. — Он тяжело опускается на край кровати и берёт кролика в руки так бережно, слов-

но тот может рассыпаться. — Мира единственная, перед кем я уязвим. Любой, кто о ней знает, получает рычаг: партнёры, конкуренты, журналисты, женщины, приходившие в мою жизнь за красивой картинкой. Я решил: пока я не уверен, что человек не уйдёт, имя дочери остаётся за дверью.

— Вы мне не доверяли.

— Я не знал, как ты ответишь. Вчера на фестивале ты стояла рядом, и я понял: хочу рассказать. Но сначала нужно было дождаться вечера и привести комнату в порядок, чтобы ты увидела девочку, а не рисунок.

— Раиса Львовна знала, что я найду эту комнату сегодня?

— Мама знает почти всё. Сквозняк оказался для неё сюрпризом.

— А моя мама? Лидия Петровна знала про Миру?

— Не знаю. Я ей никогда не говорил.

— Марк знает про Миру?

— Знает. Он мой управляющий, видел переводы.

— Тогда вчера он смотрел на меня с жалостью.

— Он так смотрит на всех, у кого нет покровителя.

— Она нарисовала вас очень далеко, — киваю я на лист.

— У неё хороший глазомер.

— Рисунки висят неровно.

— Мама присылает их по почте каждые полгода, я вешаю. Мира поправляет, когда приезжает.

— А кролик? У него ухо пришито чужой ниткой.

— Пришивала Мира. Сама, в семь лет. Сказала, что хи-

рург должен оставлять шов видимым.

— Серьёзная девочка, и шов получился аккуратный.

— Вся в бабушку. Хотя я надеялся, что хоть что-то достанется мне.

— Вам досталось упрямство.

— Упрямство она получила от обоих, но в её исполнении оно выглядит убедительнее.

— Вы это ей говорили?

— Никогда. Боюсь, что она запишет мои слова и предъявит в нужный момент.

— А что с её матерью?

— Она уехала, когда Мире было пять. Подробности отдельный разговор, и вести его на пороге детской, где висят рисунки, я не хочу. — Он поднимает глаза, и они усталые, лишённые привычной выправки. — Я не прошу прощения. Прошу выслушать, пока она не приехала.

— Говорите.

— Я плохой отец по расписанию. Вижусь с ней дважды в месяц, пропускаю половину школьных праздников, шлю подарки вместо слов. Мама воспитывает её искуснее меня, и девочка зовёт мою мать мамой. Я смотрю на это и держусь за последнее, что у меня осталось: пятнадцать минут по воскресеньям у экрана.

— Зачем вы её привозите?

— Затем, что больше не хочу выбирать между домом и работой. Я хочу попробовать жить по-людски. Вчера ты ска-

зала мальчику, что бояться ножа полезно, и я подумал: вдруг и мне можно.

— Не используйте моего сына как аргумент.

— Я не использую. Это правда.

— Где у вас правда и где выручка, я различить не могу. — Я отворачиваюсь к окну, потому что глаза горят. — Вы просили меня прийти ради вашей мамы. Теперь выясняется, что пришла я ради вашей дочери. Это разные задания.

— Это одно задание. Просто ты узнала вторую половину.

— Что она любит?

— Карамель. Тёплую, с орехами. Любит, когда с ней говорят всерьёз, и терпеть не может, когда обращаются как с ребёнком.

— А чего боится?

— Что я передумаю. Что кто-нибудь придёт и объяснит ей, что папа занят и поэтому его нет.

— Значит, по голове не гладить.

— Не гладить. И не подсовывать шоколад вместо разговора.

— Что мне сказать Игнату?

— Правду: у Тамира есть дочь Мира, она приедет в гости.

— А что сказать Мире?

— Что тебе нравится её кролик.

— Мне нравится её кролик.

— Тогда ты почти справилась.

— Это не смешно.

— Нет. Я пытаюсь не заплакать, поэтому шучу. — Он сжимает кролика. — Анна, ты вправе уйти. Если решишь, я не стану удерживать.

— Не вправе. Вы сами объяснили в понедельник, почему.

— Прости меня, Анна.

— Не сейчас.

— Хорошо. Когда?

— Когда пойму, за что вы просите прощения: за дверь или за молчание.

— Я ненавижу это «не вправе». Я хочу, чтобы ты осталась, потому что захотела, а не потому что подписала долг. Но сказать это раньше я не мог.

— А теперь можете?

— Теперь могу.

— Я заберу Игната на кухню, — говорю я. — Встречайте её сами.

— Не уходи. Пожалуйста. Она должна увидеть, что я не один.

— Это условие из договора?

— Это просьба.

В прихожей щёлкает замок, затем слышится глухой стук колёсиков по паркету и негромкий голос Эмиля:

— Сюда, пожалуйста. Осторожно, порог.

— Мам, там кто-то пришёл? — доносится из комнаты Игната.

— Да, зайчик. Посиди пока у себя.

Тамир замирает. Лицо у него меняется: на нём одновременно радость, страх и бесконечная усталость.

— Она приехала раньше.

— На сколько?

— Часа на три.

— Раиса Львовна посадила её на ранний поезд?

— Эмиль встретил на вокзале. Мама всё делает вовремя, а я потом не успеваю.

— Однажды вы с ней договоритесь.

— Однажды она договорится с тобой. Бойся этого дня.

— Мне ещё нужно собраться.

— Мне тоже.

— Вы заказали что-нибудь к ужину?

— Заказал карамель с орехами. На случай, если разговор не заладится.

— Оригинальная тактика.

— Других проверенных тактик у меня нет.

Мы оба поворачиваемся к дверям. На пороге детской, с рюкзаком за спиной и полосатой шапкой в руках, стоит худенькая девочка с двумя тёмными косами. Она смотрит на отца, на кролика у него в руках, на меня с рисунком и ровным взрослым голосом, не здороваясь, произносит:

— Положите, пожалуйста, на место. Он висел там три года.

Глава 11. Мира

— Ровно, — произносит Мира, когда я вешаю рисунок обратно. — Теперь отойдите, пожалуйста, от моей стены.

Я делаю шаг назад. Девочка стоит посреди комнаты с рюкзаком за спиной и смотрит на меня серыми глазами Тамира, только взгляд у неё холоднее: он не просит, он оценивает.

— Я Анна, — говорю я. — Мы, наверное, должны были познакомиться иначе.

— Я знаю, кто вы. Бабушка говорила. Невеста с булочной.

— Булочная называется пекарня.

— Бабушка сказала «булочная». Она не ошибается.

— Мира, — тихо вмешивается Тамир, поднимаясь с кровати, — это Анна. Она пригласила нас на плов. Игнат её сын, он рисует. Вы подружитесь.

— Папа, не говори «вы подружитесь». Так говорят взрослые, когда не уверены.

— Хорошо. Скажу иначе: вы будете жить в одной квартире. Тебе придётся с ними разговаривать.

— Я не против разговаривать. Я против, чтобы мне объясняли заранее, что я подружусь.

— Я хотел, чтобы вы познакомились завтра, после того как я всё объясню.

— Ты хотел, чтобы я приехала позже.

— Я хотел, чтобы ты приехала подготовленной.

— Я всегда подготовленная, папа. Другого мне не разрешают.

— Ужин через час, — вставляю я, чтобы разрядить воздух.

— Я не голодна.

— Тогда просто посидишь с нами. Это не обязательство. — Она снимает рюкзак, ставит его на стул и поворачивается ко мне. — Где ваш сын?

— В соседней комнате.

— Пусть выйдет. Мне надо посмотреть.

Игнат появляется в дверях через полминуты, с карандашом за ухом и серьёзным лицом человека, вошедшего в класс в середине урока. Мира долго разглядывает его с головы до ног.

— Ты Игнат?

— Да. Здравствуйте.

— Не надо «здравствуйте». Мне одиннадцать, а не сорок. Ты рисуешь?

— Немного.

— Папа купил тебе карандаши. Шестьдесят четыре.

— Откуда вы знаете?

— Я видела чек, он остался в кармане его пальто в прошлый раз. Он купил их в понедельник. А мне он присылает открытки.

— Мира, — говорит Тамир.

— Ты молчи. — Она не оборачивается. — Мне они не

нужны, твои карандаши. Но спросить было можно.

— Простите, — выдыхает Игнат. — Я не знал. Можете взять любой.

— Не извиняйся. Бесит.

— Простите.

— Опять!

— Мира, — повторяю я мягче, — ему девять. Он извиняется, когда боится.

— Тогда пусть не боится.

— Пусть. Но научить его этому за один день я не смогу. Поможешь?

Она смотрит на меня так, словно только сейчас заметила, что я умею говорить.

— Я не учитель.

— Тогда просто не повышай голос. Остальное он сам.

Остаток вечера расползается по комнатам, как разлитое молоко. Тамир уходит в кабинет и закрывает дверь, а Мира расхаживает по квартире, открывая шкафы и проверяя, что изменилось с прошлого раза. К девяти из комнаты Игната доносятся голоса, и я иду на звук.

— Это мой кактус, — говорит Мира, стоя у подоконника.

— Я не знал, — отвечает Игнат. — Тамир сказал, он ничей.

— Он мой. Я выращивала его четыре года. Папа убрал его, когда купил тебе стол.

— Простите. Я могу вернуть.

— Не надо извиняться!

— Хорошо. Не буду. Простите.

— Игнат!

— Что тут происходит? — Я останавливаюсь на пороге.

— Она хочет кактус обратно, мам. Он правда её, на горшке написано: «Мира».

— Я заберу, — говорит Мира, но руки не поднимает. — Только он колючий. Ты уколешься.

— Я уже укололся. Вчера. Совсем чуть-чуть.

— Он обижается, когда его поливают слишком часто.

— Я поливал раз в неделю, как в инструкции.

— В какой инструкции?

— На обороте горшка. Вы не заметили? — Игнат осторожно поворачивает горшок. — «Поливать по воскресеньям. С любовью не переборщить».

— Это я писала, — шепчет Мира, и ресницы у неё вздрагивают. — Мне было семь.

— Хорошо написано. Я слушался.

— Ладно. — Она отходит от подоконника и садится на край его кровати. — Оставь. Но по воскресеньям поливай сам. Я проверю.

— Договорились. А вы приедете в воскресенье?

— Нет. Через две недели. Поливай, даже если меня нет.

Выходя в коридор, я сталкиваюсь с Тамиром. Он стоит у стены, где простоял, судя по всему, всё это время.

— Спасибо, что не ушла, — говорит он тихо.

— Я не из-за вас.

— Знаю.

— Из-за кактуса.

— Хороший повод.

Утром я застаю её на кухне: она стоит у холодильника и разглядывает рисунок Игната, прикреплённый магнитом, руку со шрамом-рекой и кораблик.

— Это кто нарисовал?

— Игнат.

— Это папина рука.

— Да.

— Он разрешил ему рисовать свою руку?

— Игнат попросил, папа согласился.

— Мне он не разрешал. Я просила два раза.

— Может, просила не вовремя? Когда у него звонил телефон?

— Всегда звонил телефон. — Мира отворачивается. — Что вы вчера готовили?

— Плов. Хочешь?

— Нет. Я не ем плов с корицей.

— Откуда ты знаешь про корицу?

— Бабушка сказала по телефону. Она знает обо всём, происходящем здесь.

— Тогда она знает и о нашем споре про корицу.

— А кто выиграл?

— Игнат назначил ничью.

Мира едва заметно улыбается, но тут же гасит улыбку.

— Умный мальчик. Я так не умею.

— Умеешь. Ты просто не пробовала.

— Пробовала. Выходило слишком хорошо, и все пугались.

— Ты умеешь печь карамель?

— Я умею делать вид, что мне неинтересно.

— Хорошо. Тогда сделай вид и пойдём со мной. Я покажу, как варить тёплую, с орехами. Если не понравится, выбросишь.

— Папа сказал вам про орехи?

— Папа сказал, что ты любишь тёплую и с орехами.

— Он запомнил, — произносит она тихо, почти себе под нос. — Ладно. Только не говорите ему.

Мы стоим у плиты вдвоём. Я насыпаю в сотейник сахар, добавляю воду, ставлю на малый огонь, а Мира отмеряет жареный фундук и режет масло. Руки у неё быстрые, привычные, и движения экономные, как у Тамира.

— Не мешайте, — командует она, когда я тянусь к ложке. — Сахар сам знает, когда ему пора золотиться.

— Соль добавляется в конце?

— На кончике ножа, когда снимаешь с огня. Папа говорит, соль — это совесть карамели.

— Красиво.

— Он у кого-то украл. Я проверяла.

— Ты учишься в пятом классе?

— Да. Математика, лучшая в классе.

— Мне всегда хотелось, чтобы кто-нибудь посчитал мне деньги.

— Папа считает хорошо. Но на людей у него не хватает цифр.

— Кто тебя научил?

— Папа. Каждое лето. Мы варим вместе два часа, потом он берёт телефон. Я привыкла. — Она склоняется над сотейником. — Он у вас рядом, а тут рядом были мы.

— Я не понимаю.

— Вы за деньги здесь?

Вопрос ложится на столешницу ровно, как сложенный лист бумаги. Я выключаю конфорку, потому что карамель дошла до нужного цвета, и отвечаю на выдохе:

— Ради пекарни, Мира. Твой отец хочет купить наше здание, а твоя бабушка хочет, чтобы он не был один. Я пока не знаю, как с этим быть.

— Честно.

— Я стараюсь быть честной. Только так мне и удобно жить.

— Тогда скажу честно. — Она переливает карамель в формочку. — Вы мне не нравитесь.

— Принимается.

— Вы не расстроились?

— Расстроилась немного. Но неприятности у меня бывали серьёзнее.

— Какие?

— Однажды у меня сгорела вся утренняя выпечка за двадцать минут до открытия.

— И что вы сделали?

— Продала сгоревшие булочки как «ржаные с дымком». Раскупили за полчаса.

Мира фыркает, и этот звук уже не защитный. Я делаю вид, что не заметила.

— А ваша мама что сказала?

— Сказала: «Повесь табличку, пусть думают, что так задумано». Мы повесили.

— Хитро.

— Необходимо. В пекарне нельзя пугаться вслух.

— Запомню. У нас в семье тоже нельзя.

— А у Игната папа есть? — спрашивает она, раскладывая фундук.

— Есть. Живёт отдельно. Ушёл, когда Игнату было два года.

— Тоже бросил?

— Ушёл.

— Разница есть?

— Для Игната, наверное, нет. Для меня есть.

— Какая?

— Я знаю причину, а ему приходится выдумывать.

— У меня так же, — произносит Мира, не поднимая глаз. — Мама сказала одно, бабушка другое, папа молчит. Я вы-

думываю сама.

— И что выдумала?

— Много чего. Некоторое подходит для рисунков.

— Можно мне зайти? — Игнат стоит в дверях и держит лист обеими руками. — Я нарисовал кактус. Для вас.

— Зачем мне рисунок кактуса, если кактус у меня есть?

— Чтобы вы смотрели на него, когда уезжаете.

Мира берёт лист, долго изучает и поднимает глаза.

— Тени правдивые.

— Я старался.

— И колючки не одинаковые. Это хорошо. Одинаковые бывают только у игрушечных.

— Значит, можно оставить?

— Можно. Спасибо.

В кухню входит Тамир в домашней рубашке, с голубыми тенями под глазами. Он останавливается на пороге, увидев нас у плиты, и замирает.

— Привет, — говорит он осторожно. — Я сорок минут сидел в кабинете. Хотел зайти и не решался.

— Мог бы зайти, — отвечает Мира, не оборачиваясь.

— Ты в прошлом году сказала, что тебе не нужна моя помощь с уроками.

— Это было в прошлом году.

— Для меня это было вчера. — Он останавливается у стола. — Что готовите?

— Карамель. С фундуком. Тёплую.

— Попробовать можно?

— Пока нет. Остывает.

— Я подожду.

— Не надо стоять над душой.

— Не буду. — Он делает шаг назад. — Я только хотел сказать, что рад тебя видеть. Ты приехала раньше, и это лучший сюрприз за последний год. И что...

— Не надо. — Мира резко поворачивается, и ложка в её руке дрожит. — Не надо делать вид, что тебе интересно. Ты придёшь, постоишь пять минут, потом зазвонит телефон, и ты уйдёшь. Так было на мой день рождения, так было в школе, так будет и сейчас.

— Мира...

— Мама говорила, что ты нас бросил.

На кухне становится тихо. Тамир не двигается. Его лицо словно разглаживается, из него уходит всё, и остаётся только пустое смуглое полотно. Он смотрит на дочь, потом на меня, потом на карамель, остывающую в формочке.

— Понятно, — произносит он хрипло. — Я не буду мешать.

Он разворачивается, снимает с крючка пальто и уходит, не оглядываясь. Хлопает входная дверь, и в тишине слышно только, как стекает с ложки густая золотая капля.

Глава 12. Первый поцелуй

— Ты тоже не спишь, — говорит Тамир из темноты кухни.

Я замираю в дверях со стаканом в руке. Свет не включён, только узкая полоса от вытяжки лежит на кухонном острове, и в ней видны его локти, сплетённые пальцы и остывшая чашка чая. Часы на плите показывают 00:47.

— Пришла за водой, — отвечаю я. — Собеседника не ждала.

— Могу уйти.

— Сидите. Вы здесь живёте.

— Мы здесь живём, — поправляет он. — Налить тебе чаю?

— Налейте воды. Чай мы вчера обсудили.

Он достаёт стакан, наполняет его из кувшина и ставит передо мной. Руки у него чуть дрожат, и вода идёт кругами.

— Мира заснула? — спрашиваю я.

— В десять. Игнат читал ей вслух, я стоял за дверью. Они читают книгу про гномов и спорят, кто из них умнее.

— Кто побеждает?

— Игнат делает вид, что проигрывает, и выигрывает.

— Этому он научился давно. — Я присаживаюсь на табурет. — Тамир, в субботу вы ушли на полдня.

— Пять часов сорок минут. Я ходил по набережной и считал фонари.

— Сколько насчитали?

— Двести двенадцать. Потом пошёл дождь, и я сбился. — Он трёт переносицу. — Анна, она права. Не в словах, в сути. В субботу утром я ушёл, повторив прежнюю ошибку.

— Какую?

— Когда Мире исполнилось пять, её мать собрала вещи. Я стоял в прихожей и ждал, что она скажет «останься». Она сказала «не звони». Я не стал звонить. Потом нырнул в работу, а когда вынырнул, девочка уже называла мою маму «мамой».

— Вы не бросали её.

— Я не вернулся. Для ребёнка это одно и то же.

— Почему она сказала «не звони»?

— Я не уточнял. Мне хватило слов.

— Вы ни разу не спросили?

— Однажды, через год. Она ответила: «Ты же не хотел знать». Возможно, она права.

— Вы хотели знать?

— Я хотел, чтобы всё осталось на месте. Это разные желания.

— Глебу я тоже не звонила, когда он ушёл. Мне казалось, что гордость и забота одно и то же.

— А сейчас?

— Сейчас я вижу разницу. Поздновато, зато вижу.

— Для одиннадцатилетней, нарисовавшей вас на краю листа, да. — Я обхватываю стакан ладонями. — Но она прове-

ряет вас каждым словом. Скажет колючее и смотрит, уйдёте или останетесь. Вы ушли.

— Я не умею оставаться, когда больно.

— Научитесь. Я научу.

— Ты?

— У меня сын, извиняющийся за дыхание. Я умею стоять рядом, пока человек ругает меня и самого себя. Трудно, но возможно. Вчера за ужином она попросила у вас соль.

— Попросила.

— Это был шаг.

— Один шаг за два дня.

— Шаг лучше пустоты.

— Что мне сказать ей завтра?

— Не говорите. Покажите. Сядьте с ней за уроки, даже если ничего не понимаете в дробях.

— В дробях я понимаю. В людях нет.

— Потренируйтесь на мне.

— Это предложение?

— Рабочая гипотеза.

— Гипотезы проверяют до конца.

— Вот и проверим.

— А если Мира решит, что я виновата в субботнем?

— Она решит, что ты настоящая. Для неё это хуже вины.

— Почему хуже?

— Настоящих людей приходится любить, а любить она боится.

— Вы тоже.

— Я тоже. — Он смотрит на свои руки. — Поэтому я считаю фонари.

Он молчит. Свет вытяжки падает на шрам у него на запястье, и я, не задумываясь, касаюсь его кончиками пальцев. Кожа под моей ладонью горячая и сухая, рука не отдёргивается.

— Анна.

— Да.

— Ты положила пальцы туда, куда я ждал.

— Знаю.

— Это сигнал?

— Прядь за ухо сигнал. Это другое.

— Какое?

— Не знаю. Названия пока нет.

Он встаёт, обходит остров и останавливается так близко, что я различаю запах кардамона, чайного листа и дождя на воротнике. Я поднимаю лицо.

— Пункт второй, — шепчет он. — Никаких поцелуев.

— Кроме щёки на людях.

— Здесь нет людей.

— Здесь есть мы.

— Тогда я пересматриваю договор, — говорит он и наклоняется.

Поцелуй начинается осторожно, как проба незнакомого блюда. Губы у него сухие, тёплые, на языке остаётся вкус чая

с бергамотом. Я приоткрываю рот, осторожность кончается, ладони скользят мне на затылок, пальцы запутываются в волосах, и все пункты, написанные на листе в клетку, превращаются в бумажную пыль.

— Скажи, если остановиться, — выдыхает он мне в губы.

— Не останавливайся.

— «Вы» или «ты»?

— Сегодня «ты». Целуй.

Он подхватывает меня под бёдра и усаживает на край острова. Стакан катится по столешнице, но никто не смотрит. Его рот спускается к шее, к ключице, и когда находит точку чуть ниже уха, я издаю звук, незнакомый мне самой.

— Тише, — шепчет он, улыбаясь в мою кожу. — Дети.

— Сам виноват.

— Согласен. Пойдём.

— Куда?

— Дверь моей спальни по ночам закрыта, ты помнишь? Привычка. Сегодня нарушу.

Он берёт меня за руку и ведёт по тёмному коридору мимо комнаты Игната, мимо комнаты Миры, и я затаиваю дыхание на каждом шаге.

— Тише, — шепчу я. — Паркет скрипит.

— В коридоре нет паркета, там плитка.

— Значит, скрипит совесть.

— Моя заткнулась ещё на кухне.

В спальне пахнет кедром, мылом и чистым бельём, лун-

ный свет лежит на кровати узкой полосой.

— Если передумаешь, скажи в любой момент, — просит он, прижимаясь лбом к моему лбу.

— Скажу.

— Мне нужно слышать.

— Услышишь. Расстегни платье.

— Молния заедает.

— Она всегда заедает на третьем зубце. Потяни вверх, потом вниз.

— Ты проверяла?

— Я шила это платье в голове, пока ты его выбирал.

Молния ползёт вниз с тихим шорохом, и ткань соскальзывает с плеч.

— Не смотри так, — прошу я. — Бельё простое, купленное по акции. Я не из журнала.

— Я смотрю не так. Я смотрю, как на самый тёплый хлеб в городе.

— Это комплимент?

— Констатация. Подними руки.

Он стягивает с меня платье, расстёгивает бюстгальтер, и холодный воздух касается кожи. Я пытаюсь прикрыться, но он перехватывает мои запястья и целует ладони, одну за другой, там, где ожоги.

— Не прячься. Здесь всё красиво.

— Ты врёшь.

— Про твою кожу я не вру никогда.

Его губы накрывают мою грудь, горячие и уверенные, и колени у меня подгибаются. Я расстёгиваю на нём рубашку, нахожу под ней твёрдую грудь и ровное биение сердца, провожу ногтями по животу, и он стонет сквозь зубы.

— Осторожно, — предупреждает он хрипло. — Я не железный.

— А я проверю.

— Проверяй. Но ложись.

Я опускаюсь на покрывало. Он стягивает с меня остатки белья, целует живот, бёдра, и когда его язык касается самого чувствительного места, я кусаю собственную ладонь.

— Тамир...

— Тише. Я здесь.

— Я не выдержу.

— Выдержишь. Я не тороплюсь.

Он не торопится. Он ведёт меня медленно, пока мир не сужается до тёмного потолка, лунной полосы и его дыхания между моих ног. Я выгибаюсь, вцепляюсь в простыню, и волна накрывает так сильно, что слух на секунду отключается.

Когда я открываю глаза, он лежит рядом, опираясь на локоть, и смотрит на меня с выражением, какого я раньше у него не видела.

— Ты красивая, когда забываешь держать лицо.

— Помолчи. Иди сюда.

— Подожди. — Он достаёт из тумбочки маленький квадратик. — Так нормально?

— Нормально. Давно пора.

— Давно? Мы вместе неделю.

— Я считаю не по календарю.

Он входит в меня медленно, глядя в глаза, и я обнимаю его ногами, притягивая ближе.

— Скажи что-нибудь, — шепчу я.

— Анна.

— Ещё.

— Смотри на меня.

— Я смотрю.

— Не закрывай глаза.

— Тогда я забуду, как дышать.

— Забывай. Я напомню.

— Анна, Анна, Анна. Ты слышишь, как я скучал по твоему имени?

— Мы знакомы неделю.

— Я скучал по нему заранее.

Мы двигаемся в одном ритме, сначала осторожно, потом всё глубже, всё жарче. Он шепчет моё имя мне в шею, я шепчу его, и слова теряют смысл, превращаясь в дыхание. Когда напряжение достигает предела, он прижимается лбом к моему плечу и издаёт низкий сдавленный звук, а я иду следом, вцепившись в его спину.

Потом мы лежим переплетённые, мокрые, неподвижные, и он гладит меня по волосам.

— Это меняет договор? — спрашивает он тихо.

— Договор лежит у тебя в кармане пальто.

— В правом, внутреннем.

— Вот пусть там и лежит. Утром разберёмся.

— Я потеряла себя, — признаюсь я в потолок.

— Найдём.

— Где?

— Здесь. Под одеялом.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

— В замечательном. А ты?

— Я лежу в собственной кровати с женщиной, знакомой мне неделю, и мне не хочется никуда бежать. Это новое.

— Привыкай.

— Привыкаю. — Он целует меня в висок. — Мама приедет утром.

— Запрём дверь.

— Мама открывает любые двери словом.

— Тогда надеемся, что слова у неё закончились.

— Утром, — соглашается он. — Спи.

Меня будит голос за дверью, певучий, мягкий и до боли знакомый.

— Дети, просыпайтесь, я приехала первым поездом. Мира, бабушка привезла чак-чак, Игнат уже встал и просит оладьи. Тамирчик, ты где? Анечка, дорогая, я слышала твои шаги в коридоре.

Я открываю глаза. Тамир уже сидит на кровати, натягивая брюки, и на лице у него застыло спокойное отчаяние чело-

века, наблюдающего приближение грозы.

— Мама, — шепчет он.

— Мам, — Тамир подходит к двери, но не открывает, — мы выйдем через десять минут.

— Мы? — В голосе за дверью слышна улыбка. — Какое хорошее слово. Жду на кухне, чай остывает.

— Как ты узнала?

— Я не узнала, сынок. Я догадалась по тому, как вчера за ужином ты не поправил ни одной вилки.

— Мама...

— Десять минут? — шепчу я. — Мне нужно двадцать.

— Скажу пятнадцать. Мама всё равно придёт на двенадцатой.

— Я принесла хорошие новости, Тамирчик. Я назначила дату. Свадьба будет ровно через месяц.

Глава 13. Сладкое утро

— Ровно через месяц? — переспрашиваю я шёпотом, нащупывая молнию на спине. — Она так и сказала?

— Ровно. — Тамир стоит на коленях и шарит под кроватью в поисках запонки. — Разговаривать будет через дверь, пока мы не выйдем. Так она ведёт переговоры.

— Мы условились на три месяца.

— Мы условились. Мама при этом не присутствовала.

— Мне надо в мою комнату. Никто не должен видеть меня во вчерашнем платье в шесть сорок утра.

— Третья дверь налево. Я отвлеку.

— Как именно?

— Скажу, что нашёл запонку.

— Слабее легенды я в жизни не слышала.

— Другой у меня нет. Беги.

Я выскальзываю в коридор босиком, прижимая туфли к груди, и пролетаю мимо двух закрытых дверей так тихо, что сама себе кажусь взломщицей. В своей комнате я меняю платье на джинсы и свитер, стягиваю волосы в узел и умываюсь ледяной водой. Из зеркала на меня смотрит женщина с блестящими глазами, припухшими губами и розовым следом под ухом, и я долго ищу на спинке стула шарф.

На кухне уже накрыт стол: на блюде горкой лежат оладьи, на тарелке чак-чак, а Раиса Львовна в голубом халате разли-

вает чай с видом дирижёра перед послушным оркестром.

— Доброе утро, Анечка. Ты рано поднялась.

— Доброе утро, Раиса Львовна. У меня пекарня.

— Лидия справится сама. Я позвонила ей в шесть. Она ответила, что хлеб в печи, что ты спиш

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.